

Тот, кто придет за тобой

Автор:

Татьяна Степанова

Тот, кто придет за тобой

Татьяна Юрьевна Степанова

Их было четверо... Трое из них уже мертвы. Осталась она, Полина Каротеева. Она еще жива. Но кто-то жаждет и ее смерти. Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области – пыталась разговорить Полину, чтобы наконец-то узнать правду о том старом преступлении, когда в заброшенном колодце страшной смертью от ран умирал связанный Женя Лазарев... Что же все-таки произошло несколько лет назад, кто же из них четверых настоящий убийца? И почему спустя столько времени кто-то стал убивать одного за другим всех участников того жуткого дела? Наконец Полина разговорилась, рассказала о случившемся в ту злополучную ночь. Рассказала... и через десять минут умерла от руки убийцы. Но на этом он не успокоился. Это еще не конец...

Татьяна Степанова

Тот, кто придет за тобой

«В своих романах я перебил столько людей, что им не хватило бы места на нашем самолете. А вот в жизни впервые столкнулся с насилием. Извините, если... я вел себя не так, как положено».

Стивен Кинг. Лангольеры

Глава 1

ШОРОХИ В ТЕМНОТЕ

Кто-то сказал, что там нет дна.

Сколько ни бросай камни...

Но это оказалось не так. Первый же брошенный туда, вниз, камень отозвался глухим всплеском.

- Осторожно, ты ее заденешь!

Да, да, конечно, она же там, внизу...

Слабый ветерок принес аромат шалфея и мяты. И еще пахло чем-то очень сильно – густой, животный запах.

Ферма – совсем рядом располагалась ферма и колодец...

Этот колодец... из него, наверное, поили скот.

На утопанной площадке в землю был врыт низкий бетонный желоб – считалось, что по нему, когда включают насос, вода потечет, журча, наполняя поилку почти до краев.

Насос никогда не использовали. И коровы никогда даже близко не подходили к этому месту. Так чьи же следы отпечатались на влажной земле?

Солнце село, и по небу плыл, как лодка, бледный двурогий месяц, иногда цеплявшийся за рваные края облаков. Выглядел он плохо – словно больной, изъеденный проказой...

Царила тишина. Ни щебета птиц, ни гула машин на шоссе, пронзавшем лес, как стрела. Что-то неестественное во всем этом вязком тягучем безмолвии, как во сне...

Только они не спали. Их было четверо, и машина их, ярко светя фарами, стояла на краю лужайки.

Один из них держал в руках длинную веревку. Другой, опершись на бетонный край, заглянул вниз, в колодец.

Третий молча курил, смотря, как месяц на последнем своем издыхании борется с волной туч, как пловец... как больной, сбжавший из лепрозория...

Лучше утонуть, чем сгнить заживо...

А если не сразу утонешь?

Там, внизу, воды немного.

Но что же там тогда еще, ведь говорят, там нет дна...

Четвертый, с минуту наблюдая, как его товарищ медленно, словно нехотя, разматывает веревку, вырвал ее у него из рук.

- Что ты копаешься, болван? Она же там, внизу!

В это мгновение из колодца раздался звук... всплеск...

- Я же сказал, не смей бросать туда камни!

- Я ничего не бросал, - тот, кто смотрел вниз, испуганно отпрянул.

- Видел ее?

- Там темно.

- Я сейчас привяжу веревку к машине. Один сядет за руль, двое будут страховать, один спустится туда.

Он быстро пошел к машине, подогнал ее близко к колодцу, привязал веревку и...

- А кто спустится? - спросил тот, кто курил.

- Ты.

- Может, сам?

- Она там, внизу.

Утонуть лучше, чем заживо сгнить в протухшей воде. Барахтаясь и крича, сначала умоляя о помощи во всю силу глотки и легких, а потом просто плача, скуля и воя, затем лишь шепча пересохшими растрескавшимися губами... Столько воды, а не утолить жажды... И не утонуть, и не задохнуться...

Шепот...

Шорох...

Шорохи там, в темноте...

Там, внизу, как в аду - все призрачно и нет никакой веры происходящему, пока не увидишь своими глазами...

Тот, кто стоял у колодца, достал карманный фонарь и зажег. Пятно света выхватило стебли пожухлой травы и смятую пачку от сигарет. И край бетонного желоба, укрепленного на ржавом каркасе ржавыми болтами.

И тут где-то далеко за лесом завывала сирена «Скорой помощи», и сразу за этим звуком другие звуки хлынули потоком: рев грузовиков, мчащихся по шоссе, свисток отходящей от платформы пригородной электрички, семь нот, спотыкающаяся гамма, сыгранная чьей-то нетвердой рукой на черном пианино, привезенном вместе со старым барахлом на дачу...

Там, за лесом, где дома и участки...

Где столбы фонарей и антенны на крышах...

Лай собак...

И смех...

И отблески синих телевизионных экранов на темных стеклах террас.

Как в аду – все призрачно...

И нет никакой веры происходящему, пока не увидишь собственными глазами или пока кто-то не скажет...

– Ладно, я обвяжусь веревкой. – Тот, кто курил, так и сделал, тщательно проверил узел и взялся руками за бетонный обод колодца.

Темный круг.

– Эй, ты там? Отзовись!

Они прислушались. Всем почудилось одно и то же – всплески, всхлипы там, далеко внизу.

– Я спускаюсь! Ничего не бойся, сейчас мы тебя вытащим!

– Держи и пока не включай, батарейка садится. – Фонарик переключал в руки того, кто хотел спуститься.

Он перекинул ноги через край колодца.

– Осторожнее!

Его голова маячила над колодцем на фоне сумерек всего секунду, а потом он сорвался вниз.

– Осторожнее!! Легче!

- Ничего, веревка выдержит.

Они что-то еще говорили, травя веревку и опуская его все ниже, ниже. Но их голоса... сырой туман, в который он погрузился почти сразу же... испарения колодца - они все заглушили, превращая слова в бессвязный лепет, в нечленораздельную кашу. Он взглянул наверх - над ним парил круг, в центре которого плыл уже опрокинутый месяц - рогами вниз, словно тоже тонул, спускался, или отражался там, на небесах, от какой-то другой поверхности...

И все это удалялось, удалялось.

Он опускался и наконец-то решился коснуться стен, пока еще не зажигая фонаря.

Скользкое и влажное под рукой.

И шорохи... шорохи в темноте...

- Эй, ты там? Я иду, я спускаюсь к тебе!

Раскачиваясь на веревке, он подождал ответа - никто не откликнулся со дна. И тем не менее показалось, что там, внизу, в темноте, что-то шевельнулось. Всплеск... и снова - шорохи...

Интересно, отчего этот колодец не закрыли? Не забили совсем? Если никто сюда уже давно не приходит, и скот не поят из бетонных корыт, и дорога сюда заросла травой, потерялась... Если все так боятся этого места, отчего колодец не закрыли, не замуровали? Крышка на земле валяется, и кругом истоптанная земля...

- Ответь же мне! Ты там?

Он снова коснулся рукой стены и потом быстро зажег фонарик. Растрескавшаяся кирпичная кладка, никаких следов...

Значит, она не пыталась выбраться. Не боролась, не цеплялась за стены, обдирая ладони о кирпичи.

Может, ее там и вовсе нет? Они ошиблись и то был лишь сон? Ночной кошмар?

Он направил лучик фонарика вниз. И там что-то метнулось – на самом дне, скрываясь во тьме.

Всплеск, еще один всплеск...

Словно кто-то нырнул, ушел под воду с головой, поскользнувшись на мокрых камнях.

Веревку наверху быстро травили. Он скользил вниз, пятно фонарика металось по стенкам колодца. И внезапно он понял, что...

Что веревки все равно не хватит.

Он не достигнет дна.

И в этом его спасение.

Внизу что-то булькнуло, плеснуло, а потом послышались другие звуки – шорохи... и что-то чвакало там и урчало... словно это работали чьи-то челюсти.

Цепляясь за веревку, он направил фонарь вниз.

И увидел все своими глазами.

Тело утопленницы плавало в черной воде как... А рядом...

Отчего-то он сразу понял, что это целый выводок...

Что они еще малы и малосильны...

Алчные и хилые, на тонких паучьих ногах...

Если бы только не их глаза, уставившиеся на него...

Они пожирали ее тело в темноте, и он светом фонаря помешал им, и теперь они тарасились на него...

Вцепившись в веревку, он не мог издать ни звука, не мог закричать:

- Эй, тащите меня наверх!

Ее лицо... еще не тронутое тленом... она смотрела на него со дна колодца, и ее волосы покачивались на воде, как водоросли, обрамляя бледные щеки.

Он ухватился за веревку, как за свое последнее спасение, и начал подниматься сам, подтягиваясь на руках сантиметр за сантиметром.

Фонарь он теперь держал в зубах и впивался в него все крепче и крепче.

Они там, внизу, заняты ею... ее трупом... им сейчас не до него...

Они не погонятся следом, потому что...

Где-то там, наверху, - двурогий месяц. И ветерок, пронизанный запахом шалфея и мяты. И там их машина и две бутылки водки в багажнике рядом с запаской.

И он ведь не хотел ничего плохого. Они все не хотели ничего плохого, наоборот, они приехали сюда, к колодцу, чтобы спасти ее.

Чтобы спасти...

Мало ли что случилось раньше...

Теперь уже не исправить.

Но они приехали к колодцу, чтобы спасти...

А не наоборот.

Тысячу раз нет...

Тысячу сантиметров до поверхности, до края...

Шорох раздался над самой головой.

Не со дна, сверху.

Желтое пятно зажатого в руках фонарика выхватило из мрака сначала лишь силуэт караулившего его существа.

Оно было много больше размером тех малорослых и хищных. Упираясь в стенки колодца руками и ногами... лапами... цепкими, как у богомола, оно отрезало ему путь наверх.

А потом он увидел его глаза. Они сузились и моргнули. Пасть ощерилась в довольной ухмылке.

Оно дотронулось до туго натянутой веревки и с легкостью потянуло ее вверх, на себя, приближая его, сжавшегося в комок на том конце, и одновременно обвивая его веревочными кольцами – руки, шею...

А затем оно сделало молниеносный выпад и оторвало ему голову, на миг захлебнувшись кровью, ударившей из поврежденных артерий. Потом что есть силы швырнуло этот темный окровавленный шар вверх. А когда там, наверху, раздался вопль ужаса... когда они поняли, что произошло с их товарищем... лишь тогда оно медленно начало подниматься, выползая из колодца, цепляясь за кирпичи.

Ибо впереди у него была долгая охота.

А обезглавленное тело на упущенной веревке рухнуло вниз. Его приняли с благодарностью, как манну небесную...

По темнеющему небу, перечеркнув двурогий месяц, пролетел авиалайнер.

И его слабый гул растворился в ночном воздухе, как кровь растворяется в воде.

Глава 2

ДЕКОРАЦИИ

В сгущающихся сумерках месяц бледнел и таял – тонкий острый серп, чей свет затеняли собой мощные фонари федеральной автостреды.

В этот жаркий августовский вечер машин на дороге значительно прибавилось – дачники возвращались в Москву, туристы и отдыхающие, всем, кому надоело штурмовать пригородные электрички, набивались битком в рейсовые автобусы и маршрутки.

По шоссе с ревом и гулом неслись бензовозы и бетономешалки, длинные, как поезда, тяжело груженные фуры: свежие овощи, молоко, стройматериалы, электроника, мясо, фрукты – все это должно поспеть вовремя и уже рано утром лежать на складах и на прилавках.

По обеим сторонам дороги тянулся лес, за лесом, как чаша, окруженная соснами и песчаными обрывистыми берегами, лежало озеро. Оно всегда привлекало рыбаков и купальщиков, а уж в этот знойный август особенно.

На автобусной остановке, известной как «33-й километр», толпились с рюкзаками подростки и пенсионеры-рыбаки. Эти ехали домой, кто с нехитрым уловом, кто с обгорелыми от солнца плечами. Но немало веселых компаний осталось на берегах лесного озера и на ночевку. Там зажигали костры и жарили шашлыки, настраивали гитары – побренчать, извлекая из модных сумок-холодильников бутылки с пивом и водкой.

Вокруг озера с давних времен люди строили дачи, земля тут считалась не очень хорошей – глинистая, местами заболоченная почва. Из плодовых деревьев отчего-то совсем не росли вишни и яблони, то тут, то там на участках погибали каждую зиму, если температура опускалась ниже двадцати градусов.

Но с некоторых пор земля вокруг озера стала дорожать и превращаться в солидный капитал. А все из-за близости к столице, из-за развитой инфраструктуры, из-за давным-давно проведенного в поселке газа, близко расположенной железнодорожной станции и самих окрестностей – где с одной стороны рядом районный центр, а с другой – самые живописные в Подмоскowie уголья: леса, поля, луга и, конечно же, озеро.

Однако город наступал по всем направлениям. За лесом уже высились новые кирпичные многоэтажки, где жилье охотно и быстро раскупали москвичи. В городе как грибы после дождя росли торговые центры. Вездесущий «Макдоналдс» открыл тут уже три свои закусочные, в том числе и на шоссе – для водителей.

Вдоль дороги выстроились салоны по продаже машин, стройматериалов и гигантские мебельные магазины, ярмарки и рынки, куда от конечных станций метро по выходным съезжались все те, кто замыслил ремонт или строительство дома.

Едва начинало темнеть, везде включалась реклама. Владельцы торговых центров словно соревновались, кто установит у себя на крыше самый большой рекламный щит или электронный экран.

В центре города, где все извилистые улочки раньше вели лишь на центральную площадь к исполкому, возникло огромное количество салонов красоты, аптек, кафе, кофеен. Имелся японский ресторан и итальянская пиццерия.

Первый этаж единственного сохранившегося в городе каменного купеческого особняка занимало похоронное бюро.

Дальше на несколько остановок тянулись новостройки, а на границе их и леса – с другой стороны озера – раскинулся коттеджный поселок: там много домов еще не заселили, потому что рядом шли железнодорожные пути и под самыми окнами по ночам грохотали товарные поезда.

Но едва лишь вы сворачивали на проселок и огибали озеро с запада, весь этот строительный бум, вся цивилизация куда-то исчезала. Проселок уводил в поля, заросшие травой, юркие тропы вились среди зарослей к заброшенной ферме, а потом снова уводили в поля и луга. А там опять начинался лес, куда дачники и

горожане по выходным снаряжались за грибами и ягодами.

Местность, вся сотканная из контрастов, поражала широтой и обилием впечатлений. Так что порой при взгляде с невысокого холма казалось, что и вся земля на тысячи километров такая: новостройки, автозаправки, рекламные щиты, закусочные и японские рестораны – это лишь небольшие островки в море зелени, в бескрайнем и девственном море до самого горизонта.

Может, кто-то уже и присматривал эти широты под застройку, но у него еще не доходили руки и не хватало средств – слишком много земли, слишком большие расстояния.

И только дороги – шоссе, автострада, они как шрамы рассекали пейзаж, одновременно уродуя его и соединяя, сближая и расчленяя.

В этом тоже заключался контраст, какая-то двойственность, а может, пограничная линия между реальностью и тем, что за ней, между сумерками и светом, между днем сегодняшним и днем прошлым.

И эту двойственность, постепенно обживая землю, чувствовали все, кто селился на ней – независимо от того, покупал ли он квартиру в новостройке или коттедж, старый дачный дом, заросший сиренью и бузиной, или же первый этаж купеческого особняка, прилаживая над входом новую рекламную вывеску.

Добро пожаловать сюда...

Если вы любите тишину летних сумерек...

Если двурогий месяц, плывущий по небу, все еще представляется вам ладьей...

Если вы не боитесь...

Если вы ничего не боитесь...

Или вам нечего вспомнить...

Добро пожаловать сюда...

Авиалайнер летит в небе...

И никто из пассажиров, в том числе и вы, не знает, что случится через минуту...

На следующей странице...

Глава 3

НЕУДАВШАЯСЯ АКТРИСА

По темнеющему небу, перечеркнув двурогий месяц, пролетел авиалайнер. И его гул растворился в ночном воздухе, как...

Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области – не сразу поняла, что на этом все и закончилось.

За окном дачной террасы действительно пролетел самолет... авиалайнер... ну да, там же где-то аэродром за железной дорогой. И гул растворился в ночном... нет, пока еще в вечернем воздухе, «как кровь растворяется в воде».

И только шорох, как постскриптум. Шорох магнитофонной пленки.

– Ну и как? Вам понравилось?

Полина Каротеева – хозяйка дачи на пригорке, где вот уже второй час Катя и ее закадычная подруга Анфиса Берг беспечно чаевничали после субботнего пикника-заплыва-загула на берегах местного лесного озера, спросила это как бы между прочим, однако весьма многозначительным тоном.

– Исполняете вы классно, Полина, – сказала Анфиса. – В смысле читаете.

– Итак, вам понравилось? – Полина Каротеева обернулась к Кате.

– Да. Вы здорово это прочли. Просто мороз по коже.

Катя слушала, хотя... хотя в некоторых местах этой магнитофонной записи... Да нет, все ерунда. Просто в сумерках, когда в окно терраски из сада заглядывает месяц, – как раз самое время вот таких историй. Ужасиков под чаёк.

Полина Каротеева прочла и записала на пленку все это отлично. А вот первый декламаторский опус ее показался им утомительным и фальшивым. Отчего-то она выбрала для художественного чтения монолог Фигаро из «Свадьбы Фигаро», ну, тот, где он ждет невесту, мучается от ревности и сокрушается.

Полина Каротеева исполнила монолог в какой-то лихорадочной манере. Но совсем другое дело вот эта запись, про то, как...

– А чей это рассказ? – спросила Анфиса. – Кто автор?

– Вы не поверите, девушки, – Полина Каротеева прикрыла глаза. – Это мое.

– Вы сами это написали и прочли?

– Здорово, – поддержала Катя подругу, на этот раз гораздо более искренне. – У вас талант.

– Об этом мне и в школе-студии МХАТ говорили, – Полина все еще продолжала сидеть с закрытыми глазами. – Но жизнь, увы, не так сложилась, как я хотела.

Сейчас она напоминала сонную птицу... сонную клушу, угнездившуюся, как на насесте, на старом венском стуле у чайного стола. С желтыми крашеными волосами, собранными от жары на затылке в жидкий хвостик, с рыхлым розовым телом в тунике, с веснушками и выгоревшими от солнца белесыми бровями. Было в этом нечто трогательное и умиротворяющее. И тем разительнее казался контраст, что вот эта домашняя хлебосольная женщина, типичная дачница, пусть и не актриса, а (по сведениям Анфисы) доцент в институте молочной промышленности, сама придумала, записала и прочитала странную историю, которую они только что слышали на магнитофонной пленке.

– Это что, какая-то аллегория? – спросила Анфиса с любопытством. – Фэнтези, да?

– Если хотите, это мой сон... он приснился, я встала и записала. А потом начитала на пленку.

– Все весьма реалистично для сна, – заметила Катя. – Кроме чудовища.

– А кто эти четверо? – перебила Анфиса. – И кого они там спасают из этого жуткого колодца? Кто она?

– А разве поймешь это во сне? – усмехнулась Полина Каротеева.

Усмешка вышла какой-то невеселой. И вообще все как-то изменилось. Катя оглядела накрытый к чаю стол.

Вот каких-то два часа назад они с Анфисой еще плескались в зеленой воде озера, то заплывая на середину, то возвращаясь к берегу, нащупывая ногами песчаное дно и коряги. Но у берега в воде барахталось столько народа! Казалось, вся Москва нагрянула сюда, на эти волшебные берега. Не счесть машин, резиновых лодок и скутеров.

Наплававшись, позагорав на вечерней заре, они решили возвращаться, но тут неугомонной Анфисе пришла идея:

– У меня здесь знакомая на даче живет – Полина зовут. С большим приветом тетка, но мировая. Мы с ней познакомились в общественном комитете по защите архитектурных памятников, она никакой там не деятель, просто близко к сердцу весь этот хаос со сломом в Москве воспринимала, стояла даже в пикетах у мэрии. А я их фотографировала. Знаешь, это для выставки... Колоритные типы там попадают. Ну и эта Полина Каротеева. Она мне сразу объявила – не думайте, мол, что я просто училка. Во мне великая трагическая актриса пропадает... Как Алиса Коонен... Хотя кто ее видел, эту Алису? Айда нагрянем в гости, а? И заодно червяка заморим... пора уж заморить, когда все эти твои бутерброды слопали, а? Еще днем, – Анфиса-толстушка плотоядно облизнулась. – А Полина пироги умеет печь, а сегодня воскресенье, наверняка чего-нибудь соорудила сладенького к чаю. Что-нибудь такое жирненькое, холестеринное и с ягодками!

Полина Каротеева обитала в маленькой голубой дачке на пригорке – косой участок, один край выше, другой ниже, и забор сзади оказался чуть ли не на уровне второго этажа. Как и многие одинокие москвички, Полина уезжала на дачу в мае и жила там до октября, до заморозков, ездила в город, в родной институт, на электричке, потому что машину водить не умела.

А вот Катя с Анфисой...

Но о тачке потом, сначала...

– Выходит, они, эти четверо, так ее и не спасли? – спросила Катя. – И тот, кто спустился в колодец на веревке, погиб... чудовище его убило? А остальные?

– Им тоже не позавидуешь, – Полина Каротеева встала со стула. – Ну, кто хочет еще чаю или варенья?

Она спросила это голосом «донны Розы», словно хотела точку поставить в их расспросах. Так показалось Кате, но она ошиблась.

– Я рада, что вы это услышали, – Полина налила им в чашки заварки. – Я вообще хотела, чтобы это кто-то услышал. Узнал про это. А то как-то невыносимо просто.

– Невыносимо?

– Сидишь тут иногда вечерами, думаешь... ждешь... То есть воображаешь, представляешь себе...

– Вы очень драматично это написали и читали, очень натурально, – заметила Катя.

– Если бы я так на экзаменах в школе-студии читала, то... Сейчас бы на сцене что-нибудь репетировала... на столичной сцене. Я ведь дважды проваливалась при поступлении. Так обидно и несправедливо. А потом меня приняли, и я целый год как на крыльях летала. Девочки, я на седьмом небе была и не думала вообще ни о чем.

– А что там все-таки за чудовище в колодце? – спросила Анфиса. – Эти мелкие монстры, которые труп пожирали... бррр... И этот здоровенный... Он кто такой?

– Страж колодца.

– Страж колодца?

– Тот, кто приходит ночью, тот, кто может прийти за тобой... Он их всех убьет. Они тогда не знали, что это такое... Это со временем только понимаешь. Он их всех убьет, когда выберется наружу.

Полина Каротеева сделала неловкое движение, и чайная ложка вырвалась у нее из рук. Звякнула об пол и словно рассыпалась металлическими брызгами. Но опять же это Кате лишь показалось.

Глава 4

ТАЧКА

– А ловко она это... ну, в смысле, пошутила, позабавила нас, – сытая и благодушная Анфиса Берг подошла к машине.

Уже совсем стемнело, когда они покинули гостеприимную дачку на пригорке. Полина Каротеева проводила их до калитки и вернулась в дом. На крыльце горел фонарик, его свет мерцал сквозь деревья.

– Айда домой, – Анфиса нажала кнопку на пульте, и машина... их тачка подмигнула фарами.

Про тачку следует сказать особо и не откладывая в долгий ящик. Ибо, во-первых, это была их собственная тачка, купленная напололам, а во-вторых, с ней в жизни Кати и Анфисы наступила новая полоса – они научились водить.

Вообще все вышло как-то спонтанно. Летом Катя совсем было решила, что ее прежняя семейная жизнь с Вадимом Кравченко, на домашнем жаргоне именуемом «Драгоценным В.А.», до этого балансировавшая между «не стану ему звонить первой» (Кравченко проживал за границей, сопровождал своего работодателя – олигарха Чугунова по разным странам, где тот нескончаемо лечился от многочисленных болезней, старости, ипохондрии и страха смерти) и «пора все выяснить и разорвать этот порочный круг», как-то вдруг сама собой устаканилась. Или нет, это, пожалуй, смело сказано, однако судите сами.

Муж прислал письмо по электронной почте о том, что он сам разводиться категорически не намерен... НИКОГДА... и если того хочет Катя – пусть сама этим занимается. Он примет любой вариант, однако... сразу, сию же секунду умрет, если вариант окажется... СЛОВО ЧЕСТИ...

Умрет, ишь ты... Катя затихла в ожидании. Потом пришло новое письмо – муж положил деньги на ее карточку.

И денег оказалось так много, что...

– Да не умрет он там, за бугром, – жарко шептала Анфиса, подружка, щедрая на советы. – В Ницце они там, что, от несчастной любви мрут как мухи? Они там так живут, как дай нам боже...

– Он не в Ницце сейчас, – возражала Катя.

– Да где б его ни носило с этим старичком-миллиардером... Не гони волну, Катюшка. Ясно тебе? Не гони волну, – Анфиса многозначительно грозила пальцем. – И я вообще категорическая противница разводов. Я, может, сама себе этим всю жизнь сломала...

Тут Анфиса обычно горько всхлипывала. Ее долгий, иногда забавный, а иногда мучительный роман с женатиком... чертовым Костькой Лесоповаловым, которого Катя отлично знала и порой мечтала придушить из-за его нерешительной позиции в вопросах любви и брака... и развода... короче говоря, все это давно являлось притчей во языцех и требовало какого-то логического завершения.

– А денежки мы возьмем. И знаешь что? – Анфиса вытирала слезы и светлела лицом. – Половину потратишь на тряпки и на что душе угодно, а другую

половину... я тоже свою долю внесу, мы купим машину напололам. Нашу собственную роскошную машину!

Вообще-то машину стоило купить, и даже очень приличную. Однако и тут Анфиса имела собственное мнение.

Как-то они встретились, и она сразу же открыла ноутбук.

- Я его нашла. И он станет наш. Что скажешь?

С экрана ноутбука на Катю смотрела тачка, машинка...

- Этот уродец?!

- Эта прелесть! Ты только взгляни на него. А эта модель - такая же, только верх открывается - смарт-родстер.

Тачка походила на крохотный межпланетный вездеход. Вся такая иноземная, маленькая, сверкающая хромом и...

- «Мерседес», - отчеканила Анфиса.

- Это «Мерседес»? Вот это?!

- «Мерседес-Смарт». И вообще, у каждого - свой «Мерседес».

Вот так и получилось, что они напололам, вскладчину приобрели «свой «Мерседес».

Дилер-выжига в автосалоне только ухмылялся, когда они заявили, что покупают «Мерседес»-крошку, но повел показывать им тачку с удовольствием.

- Инвалидка, мыльница... да как мы туда уместимся с тобой? - шипела Катя, пока они шли по огромному автосалону, уставленному десятками великолепных изделий автопрома. - Как мы сядем в этот луноход, в этого уродца... в этого...

Кроха «Мерседес» ждал их в самом конце. И, едва увидев его «вживую», Катя умолкла. Сердце ее растаяло как воск. Ибо эта сказочная инопланетная машинка, коробчонок...

- Какой зайчик, - прошептала Катя.

Дилер что-то там нажал на брелоке сигнализации, и «зайчик» им хитро подмигнул.

Вот так и вышло, что они с Анфисой обзавелись «пятой ногой» на четырех восхитительных колесах.

- Проказник, заждался нас. - Анфиса ласково погладила машинку по капоту. - Теперь ты, Кать, поведешь. А то меня что-то крючит - и так уж сколько физических нагрузок на сегодня - и ехали, и плавали, и... Хорошо, что хоть у Полины передохнули перед обратной дорогой.

Катя села за руль. В «Мерседесе» места хватало. Анфиса плюхнулась на обитое белой кожей сиденье.

- Я от чая взмокла вся, ты не взмокла?

- Нет.

- Можно подумать, ты вообще никогда не потеешь. Ишь ты, худышка какая. - Анфиса прищурилась.

- Да говорю тебе - нет. У меня, правда, когда я запись слушала с ее чтением, не то чтобы мороз по коже, но...

- Да, причудливое сочинение, - согласилась Анфиса, - никогда бы не подумала, что эта тетка... в общем, она славная, правда? Безобидная, интеллигентная, а то, что про свой актерский талант вечно бубнит, так это пунктик у нее такой. Одинокая, не замужем, детей нет, а возраст к сорока уже, вот и чудится... Так ведь и не объяснила нам - кто они все такие там, в этом ее опусе.

– Четверо мужчин и одна женщина. С ними случилось нечто ужасное. И она написала все это сама. И жаждала иметь слушателей.

– Она же себя великой актрисой мнит.

– Не только поэтому. Ей хотелось этим поделиться. – Катя, не включая зажигания, смотрела на домик на пригорке.

На терраске погас свет, зато вспыхнул через минуту в мансарде.

– Чудовища в сказках. И страшные колодцы тоже в сказках. – Анфиса зевнула. – Месяц какой... рогатый, нет, как она там писала – двурогий... Знаешь, это ночное наше светило... иногда оно прекрасно... но бывают ночи, когда оно пугает. Вот сейчас, гляди, как будто плесень на нем, язвы... нет, всего лишь тучка набежала. Я думаю, когда мы в следующий раз приедем сюда, на озеро, купаться и заглянем к Полине снова на чай, нас ждет продолжение истории. Чего ей тут делать-то в свои институтские каникулы, как не предаваться греху графоманства с последующей декламацией!

Глава 5

НЕ СОВСЕМ СКАЗКА

В новом многоквартирном доме, том самом, что высился как утес за лесом, окружавшим озеро, привлекая внимание всех проезжающих по автостраде, в самый сонный предрассветный час горело лишь одно окно на пятом этаже.

Хозяин четырехкомнатной квартиры, если бы слышал слова Анфисы о том, что месяц в эту ночь «словно плесенью подернут», наверняка бы кивнул, потому что сам долго смотрел в окно на ночного гостя.

Это лучше, чем ждать других ночных гостей.

Квартира, лишенная мебели, еще пахнувшая свежим ремонтом, поражала пустотой: служебная. И соседи по площадке знали о ее хозяйине только общие

сведения – что его фамилия Гаврилов, что он федеральный чиновник высокого ранга, несмотря на свой еще довольно молодой возраст, и что он тут в многоэтажке не живет, а лишь изредка наезжает.

Но сегодня почему-то он остался на ночь в пустой квартире. Один.

Впрочем, про него и в доме, и в городе, и во всем районе вообще ходило немало слухов, как о всякой «медийной персоне», которую нет-нет да и можно узреть по телевизору.

Кто-то говорил, что у его родственников дом на Рублевке. То есть по-настоящему это его собственный дом, а записан на мать – в общем, как сейчас все они делают.

Кто-то уточнял, что это тот самый Гаврилов, чей отец работал в городе сначала председателем исполкома, а потом многие годы возглавлял городскую администрацию. И у них здесь, в районе, тоже имелась служебная жилплощадь еще тогда, но они опять-таки там не жили, а жили в Москве, где-то в центре, а тут всем семейством появлялись только во время выборной кампании да летом.

Кто-то добавлял, что он пока еще не женат, но вроде как собирается, по крайней мере с красивой женщиной его видели в дорогих ресторанах столицы.

А кто-то уж совсем всезнайка выкладывал в Интернет новости о том, что господина Гаврилова в самом скором времени ждет крупное назначение – возможно, даже губернаторское кресло.

В прихожей на вешалке сиротливо висел дорогой пиджак. На полке перед зеркалом валялись ключи от машины.

Обычно Гаврилова из Москвы сюда, в подмосковный город, привозила опять же служебная машина. А ключи... он достал их из кармана и швырнул на полку перед зеркалом... ключи были от «Майбаха», стоявшего в подземном гараже в районе Москва-Сити.

В этот тихий предрассветный час господин Гаврилов занимался странным делом – мыл посуду на кухне. Точнее, всего один стакан, забытый рабочими,

отмечавшими окончание ремонта в квартире. На столе стояла початая бутылка коньяка.

Господин Гаврилов выпил две порции – одну в два часа ночи, неотрывно глядя на тусклый, покрытый космической плесенью месяц... этот проклятый месяц, всегда бывший единственным свидетелем происходящего.

А вторую порцию он осушил только что и теперь, закупорив бутылку, аккуратно мыл посуду после себя.

Ему не хотелось, чтобы потом подумали...

Что он был пьян, когда...

Что он сделал это пьяный, не ведая, что творит...

Неожиданно он оглянулся на широкое окно кухни. Ему послышался шорох – там, в темноте за окном, кто-то словно карабкался по отвесной кирпичной стене пятнадцатипятиэтажного дома.

Забыв про стакан, Гаврилов распахнул окно кухни.

Ночная тьма хлынула внутрь, борясь с электрическим светом. Почти осязаемая, густая, как черный вонючий ил...

Ему всегда казалось, что там, внизу, на дне... в том месте, о котором он запретил себе думать, но все равно помнил, полно этого самого черного вонючего ила...

Вода, что он забыл закрыть, журча, стекала из крана в мойку.

Он не обратил на нее никакого внимания.

Пусть течет.

Гаврилов прошел в комнату. Потом вернулся, словно вспомнив, – забрал на кухне табурет, опять же оставшийся после рабочих.

Поставил в самый центр пустой комнаты. Прямо над табуретом из потолка торчал крепкий крюк, годный для крепежа тяжелой хрустальной люстры. Но никакой люстры Гаврилов покупать не собирался.

Вообще все это кануло уже в прошлое – все эти покупки, которые еще несколько месяцев назад он считал столь важными и выгодными: дом на Рублевском шоссе, дорогая машина, бриллиантовые серьги для Перчика... iPhone последней модели.

Он вспомнил про него, там же есть камера.

И то правда – кто сейчас использует бумагу, когда можно просто коснуться дисплея и заглянуть в объектив.

Но сначала надо сделать кое-что важное. Гаврилов взял телефон и начал методично удалять из его памяти всё: номера телефонной книги, номера определителя, все те звонки и сообщения sms, mail. Вот так... и никаких концов, никаких контактов, останется только то, что он запишет сам.

Лишь это они потом узнают.

Шорох, так испугавший его там, на кухне, повторился снова – теперь уже за окном комнаты. Словно кто-то цепкий и упорный, не боящийся высоты, продолжил свой подъем... свою ночную охоту...

Гаврилов рванул дверь лоджии на себя.

Ну что ты ждешь, я здесь!

Давай же, входи, вползай, бери меня...

Ему показалось, что крик его услышал и разбудил весь дом. Но то лишь иллюзия – он кричал беззвучно, даже не шевеля губами.

В пустой квартире стояла мертвая тишина. И только шорох... шорох, там, в темноте... словно кто-то уже совсем близко, поднимается наверх, со дна, сюда, все ближе и ближе к этому гнусному и всевидящему месяцу... единственному свидетелю... молчаливому, беспристрастному...

Гаврилов сжал в руке телефон. Камера включилась. Он увидел на дисплее свое лицо – уменьшенное, сплющенное какое-то, искаженное.

Я должен это сделать... Нет, не так, надо повторить более спокойно и твердо, ведь запись останется...

Я должен это сделать сам... И тут нет ничьей вины... кроме моей... нет, не надо про вину... этого вообще не стоит касаться...

Не перед кем каяться...

Надо так, чтобы об этом все скоро позабыли, и не вспоминали, и не копали дальше...

Шорох в темноте все ближе...

Вот так это приходит за тобой...

И если это только лишь смерть...

Тот, кто приходит за тобой ночью...

Тот, о ком ты боялся даже думать, запрещая себе...

Но что ему, ночному, наши запреты?

И если это всего лишь смерть...

Оглянись, что же ты? Вот же это – у тебя за спиной.

Гаврилов оглянулся. Между табуретом, стоявшим на полу, и крюком, торчащим из потолка, появилась еще одна вещь.

Веревка, завязанная там, наверху, крепким узлом.

Ну да, веревка...

Та самая...

Оказывается, она не сгнила за столько-то лет.

Гаврилов навел на нее камеру телефона – вот так, пусть видят запись в реальном времени.

Я делаю это сам, потому что не могу иначе... банальное выражение, все так говорят, пишут, когда...

Потому что в противном случае будет только хуже.

Нет, нет, сотри это – они потом будут гадать, доискиваться, что же ты имел в виду...

Будет только хуже, невыносимо...

Оно и всегда было невыносимо, но я терпел...

Старался терпеть, потому что моя жизнь...

Сотри это! Они захотят объяснений!

И тут с камерой что-то случилось, она выключилась, включилась, дисплей телефона погас, потом вспыхнул, и там возникла картинка – бетонный обод колодца, лишенный крышки, камера телефона словно заглядывала туда, вниз...

А он вместе с ней.

Не надо, не хочу!

Запах ремонта в комнате исчез. И Гаврилова затошнило. Эта вонь... эта гнилая трупная вонь...

Накатывает волной, душит, лишая воли, лишая возможности сделать что-то...

Не трогай меня, я сам! Только не прикасайся ко мне!

На фоне залитого лунным светом окна возник силуэт. Кто-то или что-то взобралось на лоджию, цепляясь за кирпичи мертвой хваткой.

Гаврилов навел на окно камеру мобильного телефона.

Он пришел за мной... тот, кто приходит ночью... они называли его «страж колодца»...

Они... взрослые называли его так всегда и делали строгие глаза, а мы не верили и смеялись, но все равно днем обходили это место стороной, а летними вечерами, идя по дороге и ведя за собой свои велосипеды и собаку на поводке, спорили до хрипоты – а вот слабо будет...

А потом пришла та самая ночь и месяц... тот, что вечно подглядывает за всеми...

Он выбрался оттуда. Вылез. И пришел...

Но живым он меня не получит.

IPhon упал, глухо ударившись о паркет.

Гаврилов встал на стул и потянул на себя веревку, проверяя – не оборвется ли.

Она была липкой и влажной на ощупь. Свободный конец скользнул и свился в петлю.

Глава 6

ПРОЗРАЧНОСТЬ ВОДЫ

Поверхность воды – гладкая, как зеркало, освещенная солнечными лучами, что сочатся сквозь стеклянную стену. Но внезапно эту прозрачную гладь разрушает рябь, а потом круги, круги, круги по воде...

Как будто что-то бросили туда, и это тихо и безвольно, не сопротивляясь, опускается на дно.

Не надо глядеть, не надо гадать, что это. Потому как все равно не угадаешь.

Это всего лишь вода в бассейне фитнес-центра, что открывается в самом центре Москвы ни свет ни заря, с первыми петухами, для ранних пташек.

И Перчик тут завсегда, постоянный клиент.

Перчик – это прозвище, а вообще ее зовут Наталья – блондинку с пухлыми силиконовыми губами и пятым размером бюста. Шикарная девушка, но вроде как глуповата – так ее все воспринимают в тех кругах, где она вращается. В последнее время ее видели в столичных ресторанах с господином Гавриловым. Ну тем самым...

И это он приобрел ей золотую карту в этот фитнес-центр – подарок на Восьмое марта, пусть плавают девочка, она ведь так это любит.

На часах всего шесть утра, и бассейн только что открылся. Кроме инструктора по водной аэробике, дремлющего в шезлонге, и Перчика, в огромном пространстве под стеклянной крышей никого нет.

Прозрачность воды... круги...

Никто ничего не бросал в бассейн, никто никого не топил. Так случается всегда, когда воду начинают насыщать кислородом и обеззараживать по утрам.

Круги, круги...

Не надо смотреть, а то затянет.

Перчик – Наталья Литте (фамилия по бывшему мужу-эстонцу, оказавшемуся ужасным скупердьяем) – в сплошном скромном купальнике. Но и эта скромность не может скрыть от взора совершенство ее форм. Длинные ноги и большая грудь, тонкая талия и губы... ну тут пришлось малость подправить, постараться, зато волосы...

Волосы густые, но короткие. Если уж кто захотел быть похожим одновременно на Мэрилин Монро и Брижит Бардо, надо что-то выбирать – либо локоны, либо гладкую челку.

Перчик стоит на краю бассейна и... нет, в воду она не прыгает – так, со всего размаха, когда брызги летят и сердце замирает. Она обожает плавать, но спускается в бассейн всегда осторожно. Сначала садится на мрамор, потом опускает в воду ноги, болтает, словно проверяя. Затем цепляется за поручни. И вот уже она лежит на спине на воде. И смотрит на высокий стеклянный потолок.

И при этом на красивом лице ее ничего не отражается – ни удовольствия, ни расслабления. Лицо остается бесстрастным, и можно подумать, что девушка каждый раз, окунаясь в бассейн, притворяется и ей это совсем не нравится. Но это неправда – например, Гаврилов, господин Гаврилов... ну тот самый... он потому и презентовал ей дорогую клубную карту, что она когда-то все уши прожужжала ему, что вода – это ее стихия и страсть.

Раскинув руки и ноги, покачиваясь на воде, Перчик медленно дрейфует на середину бассейна. И замирает там надолго.

Инструктор по водной аэробике продолжает дремать в шезлонге. Он отлично знает – этой клиентке его услуги не понадобятся. Она может пролежать в воде вот так час, как бревно, как прекрасная коряга. Это потому, что у нее бюст пятого размера, оттого она и не тонет, упругие шары держат ее на воде. Вот бы взглянуть на нее топless.

Удивительные встречаются клиенты, но не дело персонала – обсуждать их причуды. Хорошо еще не справляют в воду естественные надобности. Там есть такие датчики в бассейне – сразу же выпускают реагент, воду подкрашивают на позор и осмеяние. А не сделали бы этого – справляли бы, гадили! И нет разницы, что это дорогой элитный бассейн.

Проходит какое-то количество времени, и Перчик, перевернувшись, начинает вяло грести руками, подплывает к бортику, вылезает. Накидывает на себя махровый халат и садится в шезлонг – на дальнем конце бассейна. Солнце, льющееся сквозь стеклянную стену уже потоком, окутывает ее золотым облаком. Но и этого девушка, кажется, не замечает.

Она достает мобильный из кармана халата и набирает номер. Нет ответа. Тогда она набирает еще один номер.

– Алло, доброе утро, а доктор... Денис Михайлович... А, понятно, спасибо, ведь сегодня его дежурство... Спасибо, сестра, я перезвоню ему на сотовый.

Она ждет какое-то время. Мокрый купальник под халатом холодит тело, пора бы сходить в раздевалку, принять душ и переодеться в сухое, но она продолжает сидеть. Затем снова звонит.

– Привет, это я... я так и подумала, что ты в больнице.

Тот, с кем она разговаривает, отвечает тихо, невнятно.

– Так я не поняла, мы сделаем это или нет? – спрашивает Перчик. – Мы сделаем это вместе, или ты...

Тот, кому она позвонила, снова что-то бормочет.

– Тряпка ты.

Молчание на том конце.

– Трус, – бросает она с отчаянием и злостью.

Ее собеседник что-то говорит – не расслышать.

– Как же мне не упрекать тебя... ты все тянешь, откладываешь... А он... он уже никакой – это ты понимаешь? Еще немного, и он уйдет, ускользнет. Что, что ты говоришь? Это страшнее, чем то, что я ему уготовила? Ах, ты у нас доктор, ты все знаешь... Ты просто дрейфишь, Денис. Я всегда знала: в самый решительный

момент ты меня... всю нашу семью предашь. Ладно. Больше я об этом с тобой говорить не стану. Я сделаю все сама. Одна.

Перчик закусывает свои налитые силиконом пухлые губы. Она ненавидит свой рот с тех самых пор, как пошла к косметологу и сделала это. Но косметолог оказался прав – мужики на такие губы и такой бюст бешено клюют. Через полтора месяца после пластической операции она познакомилась с господином Гавриловым. Знакомство состоялось в известном японском ресторане «Нобу», куда ходят актеры, политики, чиновники высокого ранга, бизнесмены и богатые бездельники, а также девочки из провинции – красотки, готовые лечь под нож ради того, чтобы их заметили и оценили товар, стильно упакованный, выставленный на витрину, готовый к употреблению.

Глава 7

ОДНА СВАДЬБА, ОДНИ ПОХОРОНЫ

В десятом часу утра на городской площади, куда выходил фасадом единственный сохранившийся в округе старинный купеческий особняк, наблюдалось оживление и скопление машин.

Жители города к этому давно привыкли – первый этаж особняка занимало похоронное бюро. Однако в это утро вместо похоронных автобусов и фирменного черного катафалка у дверей особняка – исключительно машины, украшенные свадебными лентами, а чуть позже сюда подрулил роскошный белый лимузин, сразу же занявший половину маленькой площади.

Горожане с любопытством наблюдали за происходящим – из окон офисов и контор, из окон почты, из витрин продуктового магазина, из кофейни, оборудовавшей летнюю террасу прямо напротив похоронного бюро.

Неужели свадьба?

Среди толпы гостей, оживленно переговаривавшихся возле машин в ожидании команды «поехали!», горожане замечали знакомые лица: вот этот толстенный

мужчина – лысый как бильярдный шар, с голубыми глазами, всегда подернутыми грустью, облаченный в дорогой черный костюм... улыбается, что-то говорит, отдает распоряжения водителю белого свадебного лимузина. Это жених? Нет, это Платон Ковнацкий, больше известный в городке по прозвищу Платоша-могильщик.

Он один из владельцев похоронного бюро. А вот тот высокий, здоровый блондин с красивым лицом, смахивающий на викинга? Вот он подошел к Ковнацкому, что-то шепнул, положив руку на плечо. Может, это жених? Нет, это помощник, старший менеджер похоронной конторы, иногда сам лично выполняющий обязанности похоронного агента (если заказ того стоит!). Ни фамилии, ни имени его в городке не знают, а вот прозвище у него какое-то мифологическое – Гермес. Горожанам известно, что он близкий друг Платоши-могильщика и живут они вместе, вдвоем, недавно двухэтажный особняк себе отгрохали из красного кирпича на улице Юбилейной.

Для похоронного бизнеса очень подходило это прозвище: ведь в греческой мифологии Гермес не только вестник богов, покровитель торговли и прибыли, но и проводник душ умерших.

Поэтому, а может, оттого, что прозвище Гермес просто нравится его старшему другу, блондина кличут именно так. Даже в пивбаре; правда, там за его спиной поминают и другие прозвища, но об этом позже.

Самой последней на площади появляется машина «Вольво», и из нее выходит – бодро, несмотря на солидный возраст и вес, – дама в белом костюме и белой кружевной шляпе с букетом белых роз. И тут становится ясно, что, во-первых, это – невеста, а во-вторых, все до одного из десятков любопытных узнают в невесте мать Платоши-могильщика Марианну Викторовну.

Когда-то в незапамятные времена, когда всеми делами в городке еще вершили райком и исполком, Марианна Викторовна имела кабинет окнами на площадь с совещательным столом и портретами членов Политбюро. Сколько ее знают в городке – она вечно чем-то руководила. Последним местом ее чуткого руководства оказался отдел ритуальных услуг, откуда ее беспощадно выперли еще в середине девяностых.

Однако – вот удивительно – она не превратилась в скромную пенсионерку, как сотни ее товарок. Семейство Ковнацких словно второе дыхание обрело, и деньги откуда-то появились, точно из волшебного сундука с сокровищами. В городке гадали и судачили по этому поводу.

Совсем еще юный тогда Платон позиционировал себя как «предприниматель» и скоро, очень скоро выкупил сначала часть местного похоронного бизнеса у тех, кто успел подсуетиться раньше и спровадить прежнюю администрацию в лице Марианны Викторовны на покой, потом еще одну часть, а затем и вообще все.

И в настоящее время мать и сын являлись совладельцами, помимо похоронного бюро и целой сети агентств по области им принадлежал бизнес по продаже участков и установке памятников на двух городских кладбищах.

Но богатство не радовало Марианну Викторовну – с тех пор как ее сын подружился с красавцем Гермесом и даже решил построить себе новый дом на Юбилейной улице, она чувствовала себя одиноко и тоскливо в своей большой квартире в «сталинке» напротив здания мэрии. Марианна Викторовна давно овдовела и хотела замуж.

И надо же такому случится, что жених отыскался!

Вон, вон он, в толпе гостей – с первого раза можно и не заметить. Не подумайте, что какой-нибудь молодой вертопрах, тридцатилетний альфонс из провинции, жаждущий денег богатой старухи. Нет, такого Платоша-могильщик никогда бы не допустил. Наоборот, все вышло очень даже чинно-благородно.

Жених – Глотов, полковник в отставке, искал работу охранника в качестве прибавки к военной пенсии. И нашел место в похоронной конторе Ковнацких. Место охранника, иногда ночного сторожа, иногда и продавца похоронных принадлежностей, в общем, «куда пошлют и что поручат». Не прошло и месяца, как скучающая вдова и бравый полковник в отставке подружились, а дальше – больше. И вот уже можно сказать, что каждый на склоне лет обрел в другом спутника и партнера... если, конечно, все это не притворство и фикция...

Вон – жених, одет прилично, но скромно, и явно видно, что гражданский костюм ему непривычен. Зато волосы в свои пятьдесят пять сохранил все – пышная седая шевелюра и усы... немножко на моржа смахивает с этими усами, но

Марианне Викторовне это нравится – щекочут кожу и вообще, если чуть-чуть подстричь... Жених Глотов пьет только по выходным, давно разведен, детей нет, так что «помогать материально» никому не нужно.

Чего же больше надо женщине ее возраста для счастья?

– Глотов, ты готов?

Ее призывный возглас... как нежный крик самки в брачный период... сквозь весь этот свадебный гам и суету...

– Так точно, моя радость!

Глотов, четко рапортуя и печатая шаг, направляется к своей невесте.

Можно, конечно, поинтересоваться: отчего это сбор гостей назначен именно в этом месте – у дверей похоронной конторы? Вроде как место мало располагает к веселью. Но к атрибутам своего бизнеса у Платоши-могильщика и его матери совершенно особое, нейтральное отношение. Подумаешь, гробы и венки... Это же все реквизит и товар, и если вы заняты в похоронном бизнесе, то относитесь ко всему этому просто, по-деловому. Во-первых, Глотов, жених, даже несмотря на грядущий день собственной свадьбы, дежурил в ночь в конторе, во-вторых, площадь... эта площадь имени Космонавтов в городке такое место – центральное, не собираться же у ворот особняка, где на участке все еще кипит стройка, где корыта с известкой и бригада шабашников доделывает бассейн? И во дворе «сталинки», где квартира Марианны Викторовны, – тесновато. А тут – площадь, старинный особняк с желтым фасадом в стиле ампир... И если ехать в церковь венчаться, а Марианна Викторовна непременно этого желает, то лучше места – отправной точки, по мнению Платоши-могильщика, – и не найти.

А жениха Глотова вообще никто не спрашивает.

– Глотов, Вовик, я в той машине забыла свою косметичку, принеси, дорогой.

– Сей секунд, Марусичка!

Почему Марусичка? Ведь ее Марианна зовут, или у влюбленных на шестом десятке свой тайный язык, свой код?

Платоша-могильщик не успевает этим заинтересоваться. Его приятель Гермес, проталкиваясь сквозь толпу гостей с мобильным телефоном в руках, делает ему какие-то знаки...

По машинам!

Еще нет?

Итак, поехали!

– Подожди, знаешь, новость какая? – Гермес, удерживая друга и компаньона, потрясает мобильным, зажатым в кулаке. – Борисенков только что звонил, ему информацию слили... самоубийство в микрорайоне.

– От «Скорой» информация?

– Как обычно, сразу нам слили, Борисенков моментально выехал на место, но туда, говорит, уже не подступиться.

– Это непрофессиональный подход, передай ему. Он похоронный агент или кто? Как это – не подступиться? – Платон Ковнацкий сердито хмурит светлые брови. – За что ему я деньги плачу, уроду? Может, он думает, если я сегодня родную мать замуж выдаю, я спокойно стану смотреть на то, что заказ... наш кровный заказ с микрорайона на сторону уплывет?

– Ты не понял, дружище, там другой расклад, он только что мне звонил – туда уже не подступиться, полицейских нагнали... прокуратура, чуть ли не ФСБ.

– Теперь я не понимаю, дружище.

– Некто Гаврилов в ящик сыграл. Ты его вроде как знаешь... то есть знал. Только что из петли вынули.

– По машинам!

Это зычно скомандовала Марианна Викторовна – клич заждавшейся самки в брачный период. Чего же мы медлим? В церкви все давно готово к венчанию.

Платон Ковнацкий сел в белый лимузин рядом с матерью.

– Боже, Платоша, что с тобой, что случилось?

– Ничего, мама, я просто немножко устал... не выспался.

Марианна Викторовна ласково погладила сына по лысой голове, а он отвернулся, чтобы она – любопытная, мудрая, любящая, как все матери, – не видела его изменившегося лица.

Глава 8

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРИ ПРОКУРАТУРЕ

В день воскресный, летний встаньте на заре с постели, откройте пошире балконную дверь, чтобы впустить в спальню дыхание Москвы-реки. Ранним утром в выходные Фрунзенская набережная пуста. Мост, освещенный солнцем, зелень Нескучного сада...

Радиочасы проиграли тему из «Спящей красавицы», ворвавшись в Катин сон, и она сразу как по команде открыла глаза. Выходной сегодня, но тем не менее ранний подъем оправдан, она же сама еще неделю назад решила, что начинает новую жизнь.

Совсем недавно вот плавали с Анфисой как дельфины, а сегодня она бегаёт: личный утренний марафон. Так когда-то делал Драгоценный В.А. – муж, и она сначала потихоньку ужасалась, затем восхищалась, потом завидовала его силе воли – каждое утро, несмотря на погоду-дрянь...

Для себя она решила, что будет бегать по выходным и в хорошую погоду. И сегодня день – вот досада – как нельзя лучше. И не жарко, как вчера, и дождя

нет – благостное что-то на улице, явно провоцирующее – ну как, все в норме с климатом, выполняем данное себе самой обещание или лень-матушка?

Итак, время пошло: заряжаем кофемашину, потом в душ, волосы, что отросли за лето и выгорели на солнце, собираем в хвост на затылке, косметики никакой не нужно, нет... немножко блеска прозрачного на губы. Майка, шорты... а ножницы ничего, загорели... интересно, когда сама худеешь – ноги тоже худеют? Этот вопрос мучает Анфису, а она, Катя, не знает, что ей ответить. Телефон крепим на пояс, кроссовки... Быстро выпиваем маленькую чашку кофе, чтобы уж окончательно проснуться...

Кстати, о кофе. В это лето, казавшееся Кате ужасно длинным, просто нескончаемым, потому что постоянно что-то случалось – какие-то истории, какие-то происшествия (что само по себе криминального обозревателя пресс-центра ГУВД Московской области должно было несказанно радовать и бодрить), так вот в это лето Катя вывела для себя некие новые правила самостоятельной одинокой (без Драгоценного В.А.) жизни.

А. Пьем кофе без кофеина.

Б. Везде по всей квартире ввинчиваем эти чертовы энергосберегающие лампочки.

В. Обретаем новую форму, а для этого пытаемся подружиться со спортом.

Г. Пусть все идет как идет.

Если три первых правила содержали конкретные установки, то четвертое... оно пока казалось каким-то расплывчатым. Что это значит вообще? Живи одним днем? Или живи сама и давай жить другим? Или же – что ни произошло, все к лучшему? Еще к большим приключениям? Но именно эта неопределенность сейчас как нельзя более устраивала Катю. О да, пусть все идет как идет.

И даже эта покупка крошки «Мерседеса» на половину денег, присланных мужем из-за границы...

Она требовала развода, а он послал ей золотую пилюлю и фактически заткнул этой пилюлей рот. В подобных случаях Анфиса всегда вспоминала незабвенную Настасью Филипповну из «Идиота». Как это ей там советовали: дескать, ты деньги-то возьми, а его в шею долой...

Спустившись на лифте, миновав родной двор, Катя очутилась на Фрунзенской набережной, глубоко вздохнула и сразу же, как ей показалось, взяла хороший темп – потрусила в сторону моста, чтобы перебраться на тот берег в парк.

Однако, пробежав метров сто, она темп сбавила и к мосту дошла уже быстрым шагом, а там наверху на пустом крутом мосту вообще сделала паузу, подойдя к открытому проему. Можно и отдохнуть, видом реки полюбоваться. Отдохнуть, пробежав всего двести метров?

Пусть все идет как идет. Правило-выручалочка понравилось сейчас Кате как никогда. Потом ей вспомнилось и другое правило, что каждый раз выкликала подружка Анфиса, отказываясь от третьего куска торта: нужна воля!

Итак, воля нужна. Побежали!

И Катя потрусила в глубь аллеи Нескучного сада. Ей казалось, что она вся такая сейчас из себя легкая, спортивная... надо же, бегунья-стрекоза какая... И ноженции длинные загорелые так и мелькают, когда она вот так чешет себе... Нескучный сад ранним утром в выходные – спортплощадка для дипломатов из посольств, для обитателей домов-стекляшек. Они тут тоже все бегают трусцой, катаются на великах. Некоторые уже не в силах бегать и кататься... утомились, упарились... и на лужайках делают вид, что отрабатывают приемы карате и ушу. Воображалы!

Катя вздернула нос и, как ей показалось, вихрем промчалась мимо. А мы, может, тоже потом этим самым карате увлечемся, все в наших руках.

Пусть все идет как идет.

И тут она остановилась, согнулась пополам и уперла руки в колени. Вот так, сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди и легкие лопнут... Такие нагрузки в первый-то день...

Она поплелась к скамейке и плюхнулась...

Шмяк!

Глянула на часы: всего сорок пять минут прошло, а она уже еле шевелится. А ведь еще обратно добираться.

Но правило под номером четыре и тут выручило. Пусть все идет как идет, нечего себя принуждать.

Посидев на скамейке, отдышавшись, понаблюдав за красивым иностранцем, катавшимся на велосипеде и внезапно остановившимся в пяти шагах – якобы из-за какой-то неполадки...

Подождав, улыбнувшись, ощутив прилив новых сил, пожалев, что позабыла дома плеер, вот оказался бы кстати сейчас, Катя поднялась и медленно, дыша полной грудью и наслаждаясь каждым шагом, отправилась назад.

Если бегать вот так каждый выходной, то постепенно такую форму можно набрать – никакой фитнес не потребуется. А потом можно купить себе домой беговую дорожку – это для зимы, когда тут все обледенеет, завьюжит.

Звонок на мобильный.

– Алло, я слушаю.

– Екатерина, доброе утро, прости, что беспокою.

Шеф – начальник пресс-службы, милейший, интеллигентнейший человек.

– Сейчас дежурный позвонил: у нас ЧП. У себя в квартире обнаружен мертвым некто Гаврилов... Валентин Гаврилов. В любом случае, какой бы ни оказалась причина смерти – это в общем-то сенсация. Пока никто об этом не знает, ну я надеюсь. А нам нужна информация из первых рук, завтра утром наверняка пресс-службе надо будет это как-то официально прокомментировать... результаты, сделанное... Я прошу тебя прямо сейчас, не откладывая, туда подскочить, все узнать.

– Хорошо, только почему это сенсация? – спросила Катя.

– Он федеральный чиновник, по слухам, без пяти минут будущий губернатор.

– Ничего себе, ладно, я собираюсь и еду. Только куда?

– Ясногорский УВД, телегруппа уже на пути в главк, если поторопишься, они тебя захватят с собой.

Ясногорск... Как все устроено порой в жизни, вот только вчера они с Анфисой держали путь на маленькой машинке туда, в ясногорские дали, к лесному озеру, а потом на закате зашли в дом на пригорке и пили там чай с Полиной Каротеевой.

И тот ее странный монолог на пленке. Казалось, все это уже в Лету кануло, а нет – и суток не прошло, как снова надо ехать туда.

В этом всегда заключалась некая странность, двойственность родного Подмосковья – с одной стороны, это место отдыха, экскурсий, поездок на дачу, к друзьям... А с другой стороны, каждая такая поездка сопряжена с воспоминаниями, с рабочими моментами – вот тот поселок ученых, что проезжаешь мимо, – там зимой произошло совершенно невообразимое запутанное убийство... А вот этот ювелирный магазин у строительной ярмарки – его дважды грабили... А вон те кирпичные башни, что так хорошо видны с Ленинградского шоссе, – там с пятнадцатого этажа прыгнул юный наркоман, разбился в лепешку.

И вот теперь Ясногорск. Только вчера они с Анфисой туда ездили отдыхать. А сегодня...

Катя рванула с места. Лучший стимул для спринта – цель. И сейчас ее цель – успеть в родной главк до отъезда оттуда телегруппы.

Раз, два, три...

Три, раз, два...

Мост, набережная, двор, лифт...

Фонарь, аптека...

Душ, сумка, диктофон, пара бутербродов на ходу, косметичка – накрашимся в машине, фотокамера (если, конечно, снять удастся контрабандой) и что еще?

Новые босоножки на высоком каблуке – это после кроссовок, чтобы окончательно почувствовать себя прежней Катей Петровской...

И пусть все идет как идет!

Телегруппу она застала у входа в главк под новой вывеской, где теперь значилось «Управление полиции».

Вообще все эти перемены «милиция-полиция», естественно, как криминального обозревателя и капитана теперь уже новоиспеченной полиции, Катю интересовали с внутренней, глубинной, так сказать, стороны.

Однако если во всем этом и крылась какая-то сокровенная глубина, то представляли ее себе ясно лишь некие государственные умы – и те в далекой перспективе. Из всех перемен и метаморфоз «милиции-полиции» Катя пока что для себя отметила лишь следующие.

Начальник управления областного уголовного розыска полковник Гуцин отбыл с делегацией МВД в Амстердам, в командировку по изучению опыта работы тамошней полиции.

Полковник Елистратов – начальник МУРа с Петровки, 38 – после долгих лет верности сигареткам без фильтра внезапно закурил настоящие гаванские сигары.

Вопросом, постоянно мучившим как коллег, так и граждан и подведомственный контингент, стал вопрос: «Как вас теперь называть?» Как обращаться к лицу в форме, при исполнении?

Некоторые предлагали именовать «господ полицейских» товарищами милиционерами, «офицерами», несмотря даже на отсутствие таких званий у рядового состава, «полицейскими», и... остальные прозвища совсем уж слуха не ласкали.

В этом щекотливом вопросе, как никогда, хотелось четких инструкций, спущенных сверху, но их, увы, не поступало. Там сами не знали и, как всегда, уповали на то, что «народ авось сам додумается».

Вообще все как-то мало соответствовало переломному историческому моменту. И в этом смысле «гавана» полковника Елистратова выглядела почти что вызовом, пощечиной ведомственному вкусу.

Итак, под новой вывеской родного главка Катя встретилась с родной телегруппой, и они все вместе на машине покатали в город Ясногорск.

Благо в воскресенье дороги свободны. И как уже случалось раньше, Катя не узнала места, где всего лишь вчера ей довелось побывать, искупаться, попить чаю и послушать страшную сказку на ночь. Лес и озеро, дачи и поля – где все это? Город, город, город, сплошная застройка.

Новая автострада вела к кирпичным высоткам, похожим друг на друга как братья-близнецы. Возле одной из таких высоток остановились. У подъезда – полицейские машины и синий фургон с красной надписью «Прокуратура».

Что-то скудно обставлен выезд на место происшествия масштабного ЧП. Телевизионщики вместе с аппаратурой заняли весь грузовой лифт, Кате пришлось ждать второй.

– Какой этаж? – спросила она.

– Пятый.

Уже сам факт того, что у входа в подъезд не дежурили постовые и доступ оказался совершенно свободным, Катю не обрадовало: ведь при таком следственно-оперативном отношении нечего и мечтать, что это место происшествия великого, загадочного и небывалого убийства. Шеф пресс-центра

что-то там про сенсацию говорил... наивный... Никого нет – ни журналистов, ни телевидения, ни зевак, мало ли что покойник – без пяти минут губернатор, никому и дела-то нет.

И тут лифт открылся, и прямо перед Катей оказался широкоплечий тип, весь в черном, в бронежилете и с автоматом в руках. Возле стены Катя заметила своих из телегруппы, которых уже сторожили такие же точно типы с автоматами.

– Вы куда?

– Я? Я сюда, – от неожиданности Катя растерялась.

Потом заметила на бронежилете здоровяка надпись «ФСБ». Ага, ясно... вот потому-то и полицейских машин почти нет и никакой суеты-огласки. Эти всегда приезжают и работают тихо.

– Назад, – процедил тип с автоматом.

– Еще чего, – Катя уже оправилась от первого испуга и поперла вперед, на ходу размахивая удостоверением. – Пресс-центр ГУВД Московской области, все, что тут ни случилось, по территориальности относится к нам, и у меня распоряжение начальника ГУВД...

Для храбрости она даже соврала.

– Я сказал, назад – в лифт, и этих своих проныр забирайте.

– Еще чего! – Катя сделала весьма опасный финт, однако неожиданный для качка в бронежилете (никому не советую этот жест повторять!), – она схватилась рукой за дуло автомата и закрыла его ладонью.

– Ты... ты чего делаешь? Отпусти... я сказал, оружие отпусти!

– Что там за шум? Что вы орете на весь дом?

Голос, раздавшийся со стороны одной из квартир (наверное, той самой, где дверь открыта), – мужской и властный, внес в опасную ситуацию мгновенную

разрядку.

- Да тут... тут какая-то курва долговязая прорваться хочет, коркой размахивает у меня перед носом!

- Что еще за выражение, лейтенант, вы не у себя! Пропустите.

- Но у меня приказ...

- Я тут следователь, а вы – приданные силы, я за все отвечаю. Пропустить немедленно.

Барбос из ФСБ заворчал, но сделал два шага назад, и те, другие, тоже опустили свои короткоствольные автоматы, освобождая телевизионщиков.

Катя зашагала к двери, интересно, кто ее спаситель? Она уже чувствовала расположение и благодарность к этому следователю, который «за все отвечает».

Он встретил ее на пороге просторной, пустой, пахнувшей ремонтом квартиры. Молодой, среднего роста. Лицо – ничем особо не примечательное, таких парней Катя обычно практически не замечала – целые ватаги им подобных сидят в кафе в обеденное время, прибежав перекусить из соседних офисов.

- Следователь при прокуратуре Чалов. Валерий... Викентьевич.

Отчество свое он, правда, произнес с запинкой, быстро окидывая Катю взглядом.

- Екатерина Сергеевна Петровская-Кравченко, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД. Вот мое удостоверение.

Пока он читал (внимательно и неторопливо), она мстительно оглянулась – тот жук эфэсбэшный с автоматом... еще курвой ее долговязой посмел назвать...

- Пожалуйста, все в порядке, – Чалов кивнул. – Вы по убийству приехали информацию добывать. А никакого убийства нет. Это суицид.

Он посторонился, словно предлагая: ну что, коллега, если желаете – проходите, сами смотрите.

И Катя взглянула на него уже с искренним интересом. Прокурорский следователь... правду говорят, у них особый стиль? Что греха таить, не только эфэсбэшники отшивать ведомственную прессу любят, но и свои коллеги тоже. Вон розыск, например, пока с ними договоришься, пока уломаешь пропустить на место происшествия, на языке чуть ли не волдыри вскакивают. А они всё кочевряжатся – нельзя, тайна следствия, никакой информации, никаких комментариев для прессы, а про газету «Щит и меч» мы вообще даже не слышали. Автоматами, правда, не тычут в нос, но гостеприимства никакого не выказывают. Единственное исключение – старый добрый лысый полковник Гуцин, глава управления розыска, этот все понимает и никогда не препятствует. Но он, милый, мудрый, далеко – в пропахшем марихуаной городе Амстердаме постигает зарубежный полицейский опыт.

Взглянув благосклонно на следователя Чалова, Катя отметила, что малый по виду не очень-то на следователя смахивает. Костюм, галстук, ботинки... Костюм хорошо сшит, черный, офисный, но довольно скромный. А вот галстук и ботинки – из дорогого бутика. При неказистой внешности малый-то франт... Но кое-что с этим щегольским костюмом не вяжется – слишком крупные руки, торчащие из рукавов пиджака. И уши – не то чтобы оттопыренные, а такие же, как у Юрия Деточкина... «Ты доигрался в своем народном театре, к тебе приходил следователь!» И взгляд – при всей официальности тона...

– Валерий Витальевич, а тело... где тело?

– В комнате, – Чалов провел Катю по длинному широкому коридору. – Вот сюда, проходите. Только телегруппа ваша, увы, на сегодня останется без работы. Таково мое условие.

– Хорошо, мы уже у лифта поняли, что съемки тут нежелательны. А чья это квартира?

– Гаврилова Валентина Петровна, это служебная квартира, выделенная еще в бытность его сотрудником правительства области.

– Да, мне сказали, что его фамилия Гаврилов. И он тут...

– Он тут повесился ночью, – сказал Чалов. – Проходите, не бойтесь. Криминалисты его уже сняли.

Светлая просторная комната с лоджией, двери которой распахнуты настежь. По комнате, да и по всей квартире гуляет свежий ветер. Тело мужчины – на полу возле окна, и около него двое экспертов-криминалистов. Но не это первым бросается в глаза. То, что приковывает взгляд с самого начала, – это кусок веревки, завязанный на крюке, торчащем из потолка. Обрезанный короткий фрагмент, потому что петлю уже успели изъять, не развязывая узла, и приобщить к делу в качестве доказательства.

Тело мужчины – в брюках, в белой рубашке, без пиджака, а рядом хорошо известный Кате знаменитый эксперт-криминалист Сиваков из Центрального экспертного управления ползает на коленках.

– Привет, прилетела соловушка, – эксперт Сиваков, несмотря на трагичность момента и близость к трупу, находился в прекрасном настроении. – Можешь разворачиваться и уезжать, этот твой репортаж все равно зарубят, не пропустят.

– Мне просто информация нужна для официального комментария пресс-центра, если таковой потребуется, – Катя смотрела на покойника.

Темноволосый, крупный мужчина.

– И комментария никакого вам не разрешат. Не та персона. Ого, слышишь? Уже у порога. Валерий Викентьевич, ступайте, встречайте.

Следователь Чалов снова вышел в прихожую, оттуда сразу же послышались приглушенные голоса.

– Сомневаются небось, что сам он это с собой сделал. Никак в толк не возьмут, – эксперт Сиваков прошептал это, возясь с правой рукой покойника, беря на анализ материал из-под ногтей.

– Кто? – тоже шепотом спросила Катя.

– Гости вон, – Сиваков кивнул на прихожую. – Из администрации, из управления делами. Тебе крупно повезло, соловушка, что ты до них сюда поспела.

«Никакой огласки...» – донеслось до Кати из прихожей.

– А он действительно это сам? Почему вы так уверены? – спросила Катя, хотя... если уж суперпрофи Сиваков такое утверждает...

– Ясно как божий день по тому, как висел он, голубь, по странгуляционке на шее, по состоянию узлов, я как вошел, сразу определил – вне криминала случай, а в сфере смертного греха.

– Почему смертного греха?

– Самоубийство – тягчайший смертный грех, никаких шансов на будущее прощение, как у Иуды. Но все равно возни много будет: вскрытие, отчет мой под микроскопом небось в управделами изучать станут, анализы на наличие в крови алкоголя и наркоты. Тем более что там, на кухне, бутылка коньяка начатая стоит, – Сиваков бесцеремонно ухватил покойника за подбородок и полез специальным тампоном в ноздри.

– Говорят, он крупная шишка, чуть ли не губернатор новый. Может, все-таки его убили, а?

– Должен тебя разочаровать, Екатерина.

– Но ведь он же молодой!

– Тридцать семь лет. Жених еще... был.

– Так почему же он... такой человек... чиновник кремлевский вдруг взял и повесился ни с того ни с сего?

– Вот они тоже это никак в толк не возьмут, – Сиваков снова кивнул на прихожую, где не смолкали переговоры вполголоса. – Приехали выяснять. Валерия Викентьевича нашего еще сто раз из-за этого жмурика вызовут. Ничего, Чалову не такие дела приходилось расследовать – он один из лучших в

Следственном комитете при прокуратуре. Цепкий, как репей, въедливый, этот установит причину. Потому как ни с того ни с сего самоубийств не бывает.

- Наверное, взятку взял или проворовался, - предположила Катя, забыв, что при покойниках, стоя над ними, глядя в их восковое лицо с закатившимися глазами, дурно не говорят. - А он записки посмертной не оставил?

- Записки он не оставил, а вот телефон его наикрутейший валялся на полу в метре от тела, когда мы вошли.

- А кто его обнаружил первый?

- Его шофер Долдонов. Он вроде как Гаврилова сюда вчера вечером привез и утром должен был забрать.

- Сегодня же воскресенье.

- Он так говорит, а там уж... Чалов его позже допросит, а пока с ним стажер на кухне балакает.

Катя оглянулась на дверь - какая большая квартира, оказывается, тут на кухне люди сидят, уже допрашивают. А в прихожей какие-то шишки шепотом дают «цэу», а сюда не входят. Не желают, чтобы их видели другие члены оперативной группы? Как все это не похоже на те места происшествий, где всем заправляет уголовный розыск!

- А эти из ФСБ...

- Эти на лестнице стоят. Чалов их сразу вон попросил. Тут суицид, много народа - лишняя помеха. Я да он... да ты вот теперь, и как это тебя принесло сюда?

- Я сама не знаю, мне шеф позвонил, попросил, я не хотела ехать - очень надо в свой выходной. - Катя подошла к распахнутой двери лоджии. - Это вы открыли, да?

- Нет, это все так и было. Окна по всей квартире - настежь. Словно задыхался он здесь у себя... Дом-то новый, и жильцов на этажах почти нет. Ведомственная

жилплощадь, они тут все только числятся – на случай переписи да выборов, а живут... живут там, где у них зимние сады под стеклянными потолками да бассейны крытые. Так что со стороны соседей – никаких свидетелей.

– А все же, вы ничего такого тут не находили? – напрямик спросила Катя. – Я же вас знаю... не может быть, чтобы хоть что-то вас здесь не удивило, не насторожило.

– На этот раз ты ошибаешься, – Сиваков махнул рукой. – Ничего такого. Телефон его Чалов изъял, позже глянем, что там. А так... вон кое-что в пакете – и это все. В кармане его пиджака нашли.

Катя подошла к походной кримлаборатории, собранной в стильный американский кофр. На крышке лежал пластиковый пакет, запечатанный – значит, в нем какие-то улики. Она наклонилась и увидела две упаковки таблеток из серебристой фольги, названия не прочесть. В одной упаковке осталось три таблетки белого цвета, а в другой – всего одна желтая капсула.

Глава 9

ІРНОН И ОХРАННИК-ШОФЕР

Эксперт Сиваков вместе с напарником сосредоточенно занимался своим делом – осмотром трупа, в прихожей все еще бубнили, а Катя... ей быстро наскучило разглядывать глупые таблетки в пластиковом пакете для вещдоков. Конечно, если окажется, что этот Гаврилов – без пяти минут губернатор наглотался каких-то «колес» и в наркотическом дурмане полез в петлю, грянет скандал.

Но вот если бы его прикончили, грянул бы еще больший скандал, и было бы интересно распутывать всю эту историю. А так... Катя чувствовала: зря приехала, и злилась, что день выходной уже окончательно потерян.

Труп безропотный и безгласный лежал на полу, эксперты бесцеремонно переворачивали его с бока на бок, фотографировали, а следователь Чалов, вместо того чтобы писать протокол осмотра...

– Ну вот и я.

– Спровадил, Валерий Викентьевич? – спросил Сиваков, не отрываясь от работы.

– Еле спровадил. Отчет о вскрытии нужен завтра к половине девятого утра в пяти экземплярах.

– Чтоб их всех... Опять сегодня ночь не спать, – чертыхнулся Сиваков.

Чалов подошел к экспертам, присел на корточки, оглянулся на Катю.

– Да, да, да, я еще здесь, – сказала она. – И, кажется, это действительно самоубийство.

Чалов посмотрел на покойника, потом поднялся.

– Телефон его готов для осмотра?

– Угу, мы все обработали, – откликнулся Сиваков. – На корпусе, на дисплее только его отпечатки, никаких других.

– Выходит, сам все удалил. Пойдемте посмотрим, что там в телефоне.

Катя с удивлением обнаружила, что Чалов обращается к ней.

Пошли с другую комнату – размером почти такую же. Кате ужасно хотелось заглянуть на кухню – что там еще за шофер-свидетель, но туда ее пока не приглашали. А тут – все такая же пустота, стены, оклеенные модными флизелиновыми обоями фисташкового цвета, пол из пробки и настесь открытое окно – сквозняк гуляет.

– А зачем он тут все окна пооткрывал? – спросила Катя. – Может, выброситься хотел?

– Возможно. Тут пятый этаж, может, не так высоко показалось. – Чалов взял мобильный телефон, лежавший на полу на аккуратно расстеленных листах

белой бумаги со следами темного порошка-опылителя. – Самая последняя модель, дорогая штучка. – Чалов присвистнул. – Умеете с таким обращаться?

– Нет, и учиться лень. Я по телефону только звоню.

– Вот и я то же самое... А усопший наш... Мы с Сиваковым телефон до вашего прихода только мельком осмотрели – все входящие и исходящие звонки удалены. Так, а тут что? Телефонная книга – все удалено, – он ловко обращался с iPhone. – Ящик для почты пуст, sms ни одной. Зачем столько возиться и удалять, время зря тратить в такой момент, телефон можно просто разбить, выбросить, если уж он так не хотел, чтобы какая-то информация сохранилась. Значит, что-то осталось, раз он этот телефон нам подкинул. Камера... ага, ну-ка, ну-ка, что здесь...

Катя через плечо следователя Чалова заглянула в дисплей телефона. Неясная какая-то, мутная картинка: открытое окно и за ним темнота, крохотный серпик месяца – изображение то удаляется, то приближается, словно телефон держат в вытянутой руке, а потом эту руку сгибают. Потом месяц заслонило мужское лицо.

– Он, Гаврилов, ну и видок у него тут.

Катя смотрела на дисплей – мужское лицо держалось в объективе камеры всего несколько секунд, потом пропало, камера судорожно дернулась и навелась на распахнутое окно.

«Я должен это сделать...

Я должен это сделать сам...

И не перед кем каяться...

Надо так, чтобы все об этом скоро позабыли и не вспоминали, и не копали дальше...

Шорох в темноте...»

Тут камера снова резко дернулась, и на дисплее появилась открытая дверь лоджии (в другой комнате, где все и произошло). Месяц стал словно больше, крупнее, четче, ярче.

«Вот так оно приходит за тобой, и если это только лишь смерть... Тот, кто приходит за тобой ночью, тот, о ком ты боялся даже думать, запрещая себе, но что ему, ночному, наши запреты? И если это всего лишь смерть... Оглянись, что же ты? Вот же это – у тебя за спиной!!»

Камера опять дернулась, развернулась, и на дисплее возникло что-то... Катя как ни приглядывалась, никак не могла...

– Веревка, он снял ее на телефон – веревка к крюку привязана, – следователь Чалов провел пальцем по дисплею. – Вот она, это же ночная съемка, оттого такое хреновое изображение.

«Ну да, веревка... Оказывается, она не сгнила за столько-то лет...»

Катя вздрогнула от неожиданности – голос из телефона, голос человека, который умер несколько часов назад в этой квартире, словно отозвался.

«Я делаю это сам, потому что не могу иначе...»

И тут камера выключилась.

Катя растерянно глянула на Чалова – он не касался дисплея. Камера моргнула, потом телефон опять погас, вспыхнул и...

Возникла все та же прежняя картинка – открытая дверь лоджии, а за ней на темном небе высоко – месяц.

«Он пришел за мной... тот, кто приходит ночью... они называли его «страж колодца»... Они... взрослые называли его так всегда, а мы не верили и смеялись, но все равно днем обходили это место стороной, а летними вечерами, идя по дороге и ведя за собой велосипеды и собаку на поводке, спорили до хрипоты – а вот слабо будет...»

А потом пришла та самая ночь и месяц... тот, что вечно подглядывает за всеми...

Он выбрался оттуда. Вылез. И пришел... Но живым он меня не получит».

Дисплей погас и не включился больше.

– Все, кажется, – Чалов зачем-то встряхнул телефон, – бред какой-то... По-моему, он спятил, этот бедняга. Кто это там откуда-то вылез? Месяц?

Катя не знала, что сказать. Судя по тону – лихорадочному, отрывистому, – все это вполне могло бы сойти за бред. Если учесть к тому же те таблетки...

Однако...

– А о ком он говорил? – спросила она. – Как он его назвал: «Тот, кто приходит ночью»... «страж колодца»...

– Я и говорю – чушь какая-то, – следователь Чалов хмыкнул.

– Возможно, только...

Катя никак не могла сориентироваться в ситуации. Сказать этому прокурорскому, что она не далее как вчера, будучи здесь, в Ясногорске, кое-что уже слышала и про «стража», и про колодец... Графоманский отрывок, записанный на пленку и продекламированный с таким небывалым воодушевлением, так талантливо, что просто мороз по коже...

– Что-то ему примерещилось перед самым концом. – Чалов пожал плечами. – Говорят, что в последние минуты некоторые всю свою жизнь как кино в мозгу прокручивают. На пленке из реального – только окно, дверь лоджии в том самом состоянии, которое и зафиксировано на момент осмотра, и веревка. Никаких посторонних лиц рядом с Гавриловым. Этого будет вполне достаточно. А то, что он бормотал...

Однако Катя видела: следователь Чалов и сам несколько обескуражен. Не такого предсмертного послания можно было бы ждать от человека, сделавшего столь успешную государственную карьеру и остановившегося всего в шаге от губернаторского кресла.

Либо этот Гаврилов действительно спятил и наглотался таблеток, либо... либо тут что-то не так. Пусть это и бесспорное самоубийство, однако...

– Ладно, теперь самое время допросить его водителя, – сказал Чалов. – И на этом, пожалуй, мы тут осмотр закончим.

Большую светлую кухню в отличие от комнат после ремонта успели обставить мебелью и всей необходимой техникой вплоть до холодильника и кофемашины. За столом восседал шофер Долдонов – крепкий седой пятидесятилетний мужчина в черном строгом костюме. Молоденький стажер прокуратуры как птенец угнездился на подоконнике, прикрыв и тут тоже с ночи распахнутое окно.

На кухонной стойке стояла уже запакованная в пакет бутылка коньяка, опорожненная на одну треть.

– Простите, что заставил вас так долго ждать, но мы осматривали тело, – сказал следователь Чалов шоферу, при этом вежливым жестом предложил Кате стул, а сам сел напротив Долдонова и, обернувшись к стажеру, попросил у него чистый бланк протокола допроса.

– Ничего, я понимаю. Теперь мне и спешить-то некуда, такая беда с Валентином Петровичем. – Долдонов тяжело вздохнул и начал отвечать на вопросы Чалова.

Катя смотрела, как заполняется стандартная «шапка» протокола. Вот Чалов попросил свидетеля расписаться в том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Теперь можно приступать к самому главному.

– Так, значит, это вы его обнаружили? – спросил Чалов. – А зачем вы приехали в воскресенье?

– А как же не приехать за ним утром? У нас так заведено – когда он дома у матери... то есть у себя на Рублевке, я за ним в семь часов приезжаю – это по будням, а по выходным в восемь – в половине девятого, это как накануне он распорядится.

- Но это не его дом на Рублевке, это служебная площадь в Ясногорске.

- Тем более я удивился еще вчера, когда он приказал сюда его привезти и оставить в квартире, - шофер Долдонов сглотнул. - Тут и спать толком негде. Чего тут одному-то ночевать? Он здесь всего раза три и был-то, во время ремонта я тут за всем смотрел - за бригадой, за слесарями.

- А как вы попали в квартиру?

- Так у меня ключ - я ж говорю, я здесь все два месяца, пока ремонт шел, за всем смотрел. Порядок такой, хоть и знал я, что он тут жить все равно не станет. Но порядок такой.

- Расскажите, когда вы видели Гаврилова в последний раз?

- Так вчера и видел - вечером. Часов около десяти он вдруг говорит мне: «Отвези меня на ту квартиру». Вышел у подъезда: «Ладно, пока, Семеныч». А я ему: «Вы что же, здесь, значит? Не ждать вас?» А он так усмехнулся: «Значит, здесь». Я говорю: «Во сколько завтра за вами заехать утром, как обычно?» А он так пожал плечами: «Да, - говорит, - как обычно заезжай». И все, и пошел себе в подъезд.

- И сегодня утром вы приехали...

- К половине девятого я приехал. Честно говоря, звонка от него ждал утром - нет звонка... Ну приехал, стою у подъезда, жду - не выходит, не звонит. Я... я хотел ему позвонить, мол, тут я уже, но... не знаю, что-то кольнуло меня вот сюда, - Долдонов приложил руку к сердцу. - Поднялся я на лифте, звоню - никто не открывает. Тогда я отпер дверь своим ключом - а он... я его сразу из холла увидел... он там, в комнате, висит...

Шофер Долдонов рассказывал все это с заметным волнением, но... Катя не могла отделаться от мысли, что что-то не вязалось во всем этом искреннем рассказе. Чтобы шофер служебной машины приехал, когда его в принципе об этом и не просят... ладно, у них там, у больших начальников, всякое возможно. Но чтобы он не сдал ключ от служебной площади шефа и без всяких колебаний воспользовался им, открыв квартиру, где остался ночевать Гаврилов...

«Вроде не врет, – подумала Катя, – отчего же тогда все это так на вранье смахивает?»

– А вы что, тревожились за него? – спросил следователь Чалов – он тоже уловил странную фальшь в показаниях.

– Не то что б тревожился, а... Я не знаю, как сказать вам, порой что-то в сердце тебя толкнет – иди, мол, торопись, а то не успеешь. Вот я и не успел к нему. Такое горе, как мать теперь это переживет. Она вся больная насквозь.

– Каким Гаврилов был в последнее время? Перемен в его настроении, характере вы не заметили?

– Да он всегда сдержанный был, вежливый. Сами знаете, где работал он. Там люди дисциплинированные, закрытые. Хоть и молодых сейчас много в администрации, в Совете Федерации, а порой глянешь на них – как старики они – тихие, рассудительные такие. Замкнутый он был, о своих личных делах не распространялся, о служебных тем более.

– Значит, ничего такого вы не заметили за ним. И все же что-то вас в его поведении тревожило. Что же? – Чалов успевал задавать вопросы и очень быстро и аккуратно вел протокол.

– Не знаю я, словами это не выразить.

– Так ладно, то, что тут произошло, потребует проверки и еще раз проверки, сами знаете где – не мне вам объяснять. – Чалов оторвался от протокола. – Мне нужно, чтобы вы назвали все адреса за последнюю неделю, куда вы возили Гаврилова.

– Да что я, скрывать, что ли, буду? – шофер развел руками. – Что, я не понимаю... дело серьезней некуда, и сплетен теперь, пересудов... Повесился... я вот только две вещи никак в толк не возьму.

– Какие вещи? – спросила Катя (дала слово себе, что не станет вмешиваться, допрос свидетеля – это всегда почти интимное действие, но не выдержала!).

- Да понимаете... первое: откуда веревка тут эта поганая? - Шофер Долдонов нахмурился. - Откуда она взятая могла? Вчера, когда приехали, с собой у него ее не было. Такой моток в кармане пиджака не спрячешь, а портфель свой он на работе в сейфе оставил. И потом еще одно... чего ж это он удавился-то... такая смерть мучительная... в петле задохнуться, когда мог... ну уж если до такого дело дошло, так уж невоготу стало... Ведь у него пистолет есть. Пулю в лоб все лучше, чем в петле-то болтаться.

- Откуда вы знаете, что у него был пистолет? - спросил Чалов.

- Да сам показывал, хвалился, и патроны боевые имелись. И на стрельбы он ездил... правда, давно - года два назад.

- Пистолет при нем не обнаружен.

- Так он, наверное, в сейфе у него - на работе, или опять же в сейфе - дома на Рублевке. Туда-то к матери с собой кончать не поехал, ясно мне теперь. Там такой дом у них... не хотел поганить, осквернить...

- Итак, адреса, пожалуйста, поездок Гаврилова за последнюю неделю.

- Старая площадь - правительство области, Краснопресненская набережная - седьмой подъезд, это там где у него кабинет рабочий. Министерство финансов, комитет по финансовой политике и кредитованию... это в здании Думы на Охотном. Потом что еще - ездили во Внуково, делегацию встречали, американцев из госдепа... Рублевское шоссе, владение 31 - это его дом, он там с матерью жил. И все, пожалуй.

- Вы уверены? - спросил Чалов.

- Ну, теперь этого уже не скроешь - дама его Наталья Литте, она на Профсоюзной живет. Красавица... Перчик он ее звал.

- Как?

- Перчик... Потому что с характером девка, тоже теперь осталась...

- Когда он у нее был в последний раз?

- В четверг они виделись - в ресторан я их возил, то есть в отель - это который «Украина», высотка.

- Они что, поссорились?

- Нет... впрочем, откуда мне знать? Их дело молодое. Если и поссорились, то теперь вот и мириться не с кем.

- Еще куда вы его возили?

- В больницу при управделами президента, но это как обычно... Он туда на процедуры какие-то ездил, потом меня еще посылал в медицинский центр на Покровку анализы отвезти - это уж без него.

- Да, насыщенная у него была неделя. Это все?

- Еще сюда приезжали.

- Сюда, в Ясногорск? Когда?

- В ту субботу. Даже и не знаю - то ли чувствовал он, то ли готовился уж туда... Приказал остановиться у похоронного бюро.

- Здесь, в Ясногорске?

- Ну да, на центральной площади особнячок такой желтый. Долго он там был. Потом вышел, сел в машину, я спросил: а теперь куда? Он сказал: я покажу. И мы поехали, я хотел навигатору маршрут задать, потому как дорога-то незнакомая... А он внезапно сказал - нет, поворачивай назад. И мы развернулись на бетонке и примерно через полкилометра въехали в дачный поселок. Домик там такой на пригорке, дачка вся в цветах. Он сказал, чтобы я остановился у калитки. Там женщина копалась в грядках, он ее окликнул: «Здравствуй, Полина!» И знаете, когда она его увидела, я бы не сказал, что обрадовалась - полная такая блондинка в большой шляпе... дачница...

- Этот поселок у озера? – спросила Катя.

- Да, в лесу.

Катя почувствовала, что они оба смотрят на нее – шофер Долдонов в ожидании нового вопроса, а следователь Чалов с напряженным удивлением. Но она пока не знала, что сказать дальше.

Глава 10

ГЛАДИОЛУСЫ И ГЕОРГИНЫ

Солнце стояло высоко над деревьями. Тень, что отбрасывал на участок маленький дом на пригорке, укоротилась до предела. На окрестные дачи в этот воскресный день приехали соседи.

И Полина Каротеева этому очень обрадовалась – голоса, смех со всех сторон, веселый гомон на озере. Не одна...

Она, как обычно, возилась на клумбе – вырывала с корнем сорняки, когда в ее калитку постучали две соседки.

- Полина, вы дома?

- Здесь я, проходите!

- Какой у вас сад замечательный, просто райский, я каждый раз со второго этажа люблюсь, когда смотрю, – щебетала завистливо та соседка, что постарше. – Столько цветов, столько цветов...

- А мы к вам как раз за ними, помните, в прошлый раз вы нам обещали? – Вторая соседка – та, что жила в новом кирпичном особняке с голым участком – после стройки там словно Мамай прошел. – Муж хотел со мной в питомник ехать за саженцами, но что я в этом понимаю? А у вас тут цветы, и вы...

– За саженцами сейчас бесполезно ехать, – усмехнулась Полина. – Или весной надо было подсуетиться, или ждите осени, сейчас все равно мало что приживется. Лучше и правда теми цветами заняться, которые ко времени.

– О, какие у вас гладиолусы! – льстиво воскликнула соседка из особняка.

Гладиолусы винно-красного и бордового цвета выстроились на клумбе под окном, как гренадеры при полном параде.

– А какие георгины, вы только посмотрите. Сразу можно на выставку.

– А я корнеклубни как раз на выставке-ярмарке в прошлом году покупала, только прошлый год они у меня что-то болели, а сейчас вот ничего, пошли, – Полина оглядела клумбу у ног своих, которую она как раз полола.

Крупные махровые георгины – оранжевые, алые и розовые – смахивали на елочные шары.

И солнце стояло высоко над деревьями, словно застыв, не трогаясь с места. Желтые солнечные пятна густо усеяли садовую дорожку и крыльцо дачки. И, может, оттого, что сад так ярко освещался, темным, подобно входу в пещеру, казался проем входной двери, широко открытой по причине жары.

– Полина, вы нам рассаду в прошлый раз обещали, – напомнила деятельная соседка из нового дома.

– Да, конечно, я сейчас. – Полина улыбнулась женщинам и направилась к крыльцу.

Она коснулась перил и... Дом, где она провела не одно лето... Старый дачный дом их семьи, что строил еще ее покойный отец... Дом, который всегда казался ей надежным убежищем...

Распахнутая настежь дверь – солнечные пятна, а дальше сумрак и темнота. Она что, задернула там внутри все шторы, опустила старенькие жалюзи из бамбука?

Несколько горшков с рассадой хранилось у нее на терраске в прохладном месте, но... вот странность – ноги Полины словно налились чугуном. Она не могла себя заставить подняться по ступенькам и войти внутрь.

Это все нервы... эти ужасные приступы паники... Столько всего накопилось за эти годы... нет, то был всего один вечер, одна ночь, годы тут ни при чем, они лишь летели мимо и...

И вот она стоит у родного порога, дрожит, трясется, как овечий хвост.

И даже словотерапия не помогла, когда она пыталась выплеснуть все это из себя – сначала на бумагу, а потом на магнитофонную ленту.

На дворе – полдень, что же будет с ней ночью?

– Знаете, я передумала, – Полина отдернула руку от перил и обернулась к соседкам, – рассада у меня совсем никудышная. Но не огорчайтесь. Я вам сейчас такое покажу, что вы непременно захотите это у себя посадить. Пойдемте со мной.

С невыразимым облегчением (прочь от дверного проема, за которым темень, и мрак, и еще, еще что-то, что страшнее всего, что, возможно, выбралось наружу и уже сторожит, подстерегает...) Полина Каротеева двинулась в глубь участка мимо клумб и кустов, мимо яблонь и слив.

Пусть говорят, что это болезненное извращенное воображение.

Чтобы воображать нечто подобное, надо иметь причину.

А об этой причине никому лучше не знать.

Мимо кустов, мимо цветов, мимо плодов...

– Ой, у вас клематис!

– А это как называется?

– Это же мальва? Ну конечно, это мальва, какая красота!

Женщины, шедшие за ней гуськом, как за вожаком, не уставали восклицать. Их голоса успокаивали лучше всякого лекарства. Сейчас она даст им то, что они хотят, а потом зазовет в дом пить чай... Они сядут за стол, и она постарается удержать их у себя так долго, сколько возможно, как и тех вчерашних девиц – Анфису и ее высокую длинноногую подружку...

Ей, Полине, все равно, с кем коротать дачные дни и вечера, лишь бы только не оставаться одной. А после чая, после трех рюмок домашней настойки эти дуры соседки, возможно, тоже удостоятся чести послушать ее сочинение и исполнение.

Надо выплескивать это из себя, надо делиться этим. Иначе это ее просто убьет.

– Ну вот, вот что я вам хотела показать, – сказала она, останавливаясь у грядки возле смородиновых кустов.

– Ой, какая прелесть... Что же это, такие чудесные колокольчики! – в один голос воскликнули соседки.

– Это мои дельфиниумы, – Полина Каротеева сдвинула на затылок свою соломенную шляпу, вытерла пот со лба и взяла с садовой скамейки коротенькую лопатку и тяпку. – Сейчас будете мне помогать, если хотите вот такие же, – она указала на стену белоснежных дельфиниумов, похожих на ангельские колокола. – Я как раз в августе их рассаживать хотела, самое время для них. Они размножаются делением куста. Сейчас я выкопаю пару кустов и поделю их для вас. Сегодня мы их оставим в лунках, присыплем землей и пойдем ко мне пить чай, заодно о новостях московских мне расскажете. А завтра посадим их на ваших участках, я вам помогу с этим справиться.

Женщинам ничего не оставалось, как согласиться – и верно, чем еще заняться в воскресный день на даче, как не садоводством, чаем и сплетнями.

ДЕНЬ СУДЬИ

Воскресенье началось для Светланы Сергеевны Дынник с похода на рынок. Впрочем, как и в понедельник, во вторник, в среду – это обычный маршрут для такой деятельной особы, как она. Пенсионерки, дико скучающей на заслуженном отдыхе, в прошлом – судьи областного суда и еще совсем недавно члена Коллегии по уголовным делам.

Светлана Сергеевна Дынник никогда не предполагала, что в свои пятьдесят семь, достигнув в судебной карьере таких высот – переключавшись из областного суда в Коллегию, она неожиданно перестанет быть судьей. Прежде в Коллегиях, в кассационных и надзорных инстанциях люди работали до гробовой доски, считалось, что с почтенным возрастом накапливается бесценный процессуальный опыт. Все он накапливается, накапливается... Но времена изменились, судебные ведомства, как и все прочие, начали то и дело трясти, постоянно проводя какие-то инновации, ротации. И, по мнению умной Светланы Сергеевны, все по одной-единственной причине – долой стариков. Слишком много желающих занять судейское кресло, слишком много понавыпускали вузы юристов.

О, эти чертовы юристы!

Когда гром – торжественные проводы на пенсию – грянул, прощальные фанфары умолкли... образовалась дыра. Первые дни Светлана Сергеевна чувствовала себя в квартире так, словно вернулась с похорон. Да, да, с собственных похорон. Сын и невестка успокаивали ее – ну, что ты, мама, это же хорошо – пенсия в твоём возрасте и в денежном выражении у судьи такая, что можно неплохо жить. Сама себе хозяйка, когда хочешь встала утром, когда хочешь легла вечером, все сериалы по телику теперь посмотришь, станешь больше гулять и нам с внуками тоже поможешь...

Это самое «нам с внуками поможешь» приводило Светлану Сергеевну Дынник в отчаяние. Все – пенсионерка, бабка... Бабка ты теперь, а не «ваша честь».

А внуки – Юленька и Фома... Она как-то еще давно кинула им, деткам, пробный камушек: детки, а зовите меня не бабушкой, а просто Светой, а? Но детки лишь противно захихикали: как это – Светой? Светка Морозова вон у нас в школе, а ты... ты же бабушка, ты старенькая, какая же ты нам Света?

Они, свинята, видели по ее лицу, как ей это неприятно, но, когда приезжали к ней с родителями, все равно нарочно льстиво и назойливо тянули тоненькими голосишками, канючили: бабушка... ну, ба-а-а-бушка...

Порой, когда Светлана Сергеевна приходила в свою старую любимую парикмахерскую у дома, к своей «всегдашней» парикмахерше, четверть века делавшей ей по утрам (еще перед работой в суде) идеальную укладку, она садилась в кресло у зеркала, и слезы, непрошенные слезы, те, что она прятала и от сына, и от невестки, и от внуков, наворачивались ей на глаза. И укладку теперь идеальную вроде как делать незачем. Бабка-пенсионерка, и день твой теперь...

Прежде каждое утро за ней заезжала машина с шофером (это когда уже она перешла в Коллегию), и пункты назначения ласкали слух – Верховный суд, Минюст – на совещание, иногда даже Общественная палата, комитет по законодательству...

А теперь маршрут каждый божий день один – рынок. И то чтобы не сдохнуть совсем со скуки в пустой трехкомнатной квартире на Академической. Может, чувствовала бы она себя легче, если бы сын жил с ней? Но эта эпопея с его женитьбой, ранней женитьбой. В девятнадцать лет на втором курсе познакомился с женщиной старше себя на пять лет, которая оказалась столь глупа или столь хитра, что тут же залетела от него... Невестка всегда умела управляться с ее сыном очень ловко. Первые три месяца они, правда, жили все вместе, но потом Светлана Сергеевна поняла, что... надо искать способы как-то приумножать жилплощадь. Та эпопея с квартирой для сына... Светлана Сергеевна не очень любила об этом вспоминать.

И потом, сколько лет прошло – тот первый внук, мальчик, родился мертвым, сын давно окончил институт, работает в офисе, детей у них уже двое, и невестка из хрупкой капризной стервы превратилась в обычную домохозяйку. И квартирой той двухкомнатной, добытой для них Светланой Сергеевной с таким трудом, уже недовольны, присматриваются исподволь к этой вот трехкомнатной на Академической. «Мама, а может, на перспективу рассмотрим такой вариант: ты переедешь к нам, а мы все переедем сюда?»

Шиш вам с маслом...

Какая же ты нам «Света», Светка Морозова вон в пятом классе, а ты бабушка, старенькая...

Каждое утро после завтрака Светлана Сергеевна тщательно красила губы, одевалась по погоде, но элегантно – никаких там спортивных костюмов, мешковатых курток, и отправлялась... и отправлялась... и отправлялась...

Рынков в округе несколько, и чтобы как-то разнообразить день – длинный, пустой, наваливавшийся как гора, – надо каждый раз выбирать другой маршрут. А то обалдеешь.

Почем сегодня огурцы?

А почем помидоры?

Вчера покупала и еще не съела, лежат в холодильнике, заразы...

Но сегодня выходной, сегодня приедут чада – сын, невестка и внуки-троглодиты, так что сегодня можно прикупить.

Почем цветная капуста?

Почем персики?

Виноград откуда? Узбекский?

А мясо... Какая хорошая баранина! Можно сделать плов – ну да, эту домашнюю орду надо ведь чем-то накормить.

В этот день в воскресенье Светлана Сергеевна вопреки заведенному порядку вернулась домой рано (даже не стала медленно обходить весь рынок целиком, глаза и прицениваясь к продуктам и вещам, которые в общем-то не были особо нужны).

И тут же встала на кухне к плите. Готовила она неплохо, вспоминала, чистя лук и морковь, моя рис, как еще работая судьей областного суда, вставала утром ни свет ни заря, чтобы до ухода в суд приготовить сыну и завтрак, и обед. Она все

делала для своего ребенка, старалась, несмотря на занятость. Позволила вот жениться на втором курсе и даже сделала молодым квартиру.

Обжарив баранину, она сложила все приготовленное для плова в сотейник. По правилам нужен казан, но таких кулинарных высот она еще не достигла – сотейник сойдет, налила немного бульона и поставила плов томиться в духовой шкаф.

Села к телевизору ждать своих. Обычно в будние дни посиделки перед телевизором сопровождались звонками подругам – те, тоже уже пенсионерки (многие вышли на пенсию гораздо раньше Светланы Сергеевны), надоедали ей своими вечными проблемами – пенсия маленькая, не то что у тебя... денег не хватает... дочь бросил муж... сын на грани развода, все ругаются там в семье, вот рванули на Кипр этим летом отдохнуть... а на даче крыша течет... никто ни черта делать не хочет, одна я... как белка в колесе...

Одна я...

Если бы у Светланы Сергеевны имелась дача, возможно, пенсия не казалась бы ей таким бременем, таким вечным проклятием безделья. Но увы, когда она работала судьей, какое-то время они летом имели госдачу, ну а потом все это как-то ушло... отменили...

Она и так фактически получила две квартиры – себе и сыну, другие покупали, а она сумела выбить, получить. Правда, лучше об этом не вспоминать... если бы она начала вот так «выбивать» себе еще и дачу, участок... А можно было бы попробовать там, в Ясногорске... Помнится, Ростик – адвокат Ростислав Ведищев, которого она звала просто Ростиком, намекал ей...

Семейство сына приехало точно к обеду, когда по всей квартире распространился аппетитный аромат готового плова. Тут же началась суэта, детей послали мыть руки, все сели к столу, невестка начала вещать, что «Москва по выходным пуста», сын открыл бутылки с холодным пивом.

Внучков своих Светлана Сергеевна едва узнала – загорелые, как негритята (три недели вся семейная орда отдыхала в Анталии у моря – только что прилетели).

– Бабушка, я хочу помидоров!

- А я не ем помидоры...

- Давай тарелку, я тебе положу...

- Юля, не ставь локти на стол!

- Мам, мне так удобно.

- Мама, ты пиво будешь? (Это уже сын спрашивает.)

Что спрашивать, ты наливай бабке-пенсионерке!

Светлана Сергеевна выпила пивка. Ничего, и на душе вроде как полегчало. Вон подруга одна, выйдя на пенсию, пристрастилась к этому самому «пивку» - уезжает на дачу, топит там баню, моется часами, парится, потом пьет. И до такой степени, бывает, наклюкается, что...

Пропускает вечернюю электричку.

Валится спать.

Нет, пиво - это не выход. От пива лицо распухает, в зеркало себя потом не узнаешь и точно превратишься в старуху раньше времени. Нет, мы еще... мы в суде, в процессе через такие вещи проходили... кому рассказать... лучше и не стоит рассказывать... такие вещи... такие казусы, такие грехи... И чтоб это не пережить - пенсию эту чертову? Одиночество, безделье?

Вон другая подружка после выхода на пенсию и смерти мужа каждое утро включает телевизор - чтобы только кто-то... что-то в квартире вякало, чтобы не давила на мозги эта тишина... И телик гундит до ночи, а порой и на ночь не выключается.

Так, правда, и спятить недолго...

В дурдом еще загремишь...

- Мама, такой вкусный плов!

- Бабушка, положи мне еще мяса...

- Ой, только не лук!

- Он же жареный.

- Ненавижу лук.

- Мама, звонят... телефон...

- Возьми трубку, не видишь, у меня руки заняты.

- Да? Алло! Да... мама, это тебя.

Светлана Сергеевна вытерла руки полотенцем и взяла трубку. Но внуки на кухне так горланили, что она прошла в спальню и закрыла за собой дверь.

- Да, я слушаю.

- Света, здравствуй, это я.

Голос на том конце – мужской, хорошо поставленный, почти что актерский. Как давно она не слышала этот голос, но сразу же узнала... Он не звонил ей... очень давно не звонил, наверное, с тех самых пор, когда все еще не казалось столь несбыточным, нереальным, ложным, уплывшим, канувшим, упущенным и потерянным в личном плане... когда годы еще не давили таким грузом...

- Здравствуй... Ростик? Ростислав, это ты?

Она подумала о нем сегодня... надо же, вспомнила, и он...

- Как жизнь?

- Ничего. Вот внуки приехали. А ты как живешь?

– Я как прежде. Я почему позвонил... подумал, тебе надо это знать. Гаврилов умер.

– Какой Гаврилов... а... он умер?

– Я только что узнал сам. И решил тебе позвонить. Сведения точные. Он повесился.

– Ростик, я не понимаю, ты звонишь мне только потому, что...

– Я рад, что ты не одна, Света, внуки вон к тебе приехали, внуки – это хорошо, – звучный, почти актерский голос на том конце печально усмехнулся. – Хорошая новость компенсирует новость скверную, система противовесов, так уж жизнь устроена, да?

– Так уж жизнь устроена, – повторила Светлана Сергеевна.

Младший внук распахнул дверь спальни, влетев пулей.

– Бабушка, ну ты где?

– Закрой дверь! – неожиданно резко крикнула Светлана Сергеевна. – Не видишь, что я занята, по телефону разговариваю!

Глава 12

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Катя чувствовала себя польщенной: следователь Валерий Чалов проявил неслыханную лояльность – без особых упрасиваний позволил ей приехать в понедельник, с тем чтобы ознакомиться с результатами судебно-медицинской экспертизы тела Гаврилова и получить дополнительную информацию, если таковая к тому времени обозначится.

Катя тихонько восторгалась: вот это прокурорский стиль работы, вот это образование и широта мысли, глубокое понимание того, что ведомственная полицейская пресса не только не мешает ходу следствия, но и, наоборот, во многих случаях реально помогает. Отчего прокурорские это понимают, а вот опера – никогда, хоть ты тресни? Правда, следователь «при прокуратуре» – это не совсем даже прокуратура, это Следственный комитет – со своими установками, традициями и формами работы. И то, что в качестве традиции там принято вежливое уважительное обращение с коллегами из ведомственных пресс-служб, это до такой степени приятно!

Короче говоря, Катя окрылилась перспективами. Утром в понедельник она не поехала в главк, а скоренько позвонила шефу и доложила ситуацию: так и так, можно и сегодня приехать, поучаствовать и добрать интересных сведений – а вдруг возникнут? Шеф ответил, что информация о смерти Валентина Гаврилова прошла по СМИ, но с комментариями пока никто не торопит – все (в том числе и журналисты и телевидение) ждут результатов вскрытия. «Отправляйся на место и звони мне, держи меня в курсе».

И Катя взяла под козырек: есть, начальник. Тело Гаврилова отвезли во вторую кримлабораторию областного бюро судмедэкспертиз, лаборатория располагалась при ясногорской больнице. Катя тщательно собралась, оделась в деловой летний брючный костюм, заколола отросшие волосы на затылке, сунула диктофон в сумку и спустилась во двор. У соседнего дома они с Анфисой после покупки «Мерседеса» арендовали у пенсионера старенький гараж-ракушку и прятали туда свое новое сокровище.

Катя открыла гараж, села за руль и...

В общем, водили они с Анфисой одинаково... одинаково плохо и ездить старались вдвоем, страхуя друг друга, советуя, пугая, ссорясь иногда и воровски нарушая правила. Сейчас же Кате предстояло выполнить долгий маршрут самостоятельно.

Но машинка-крохотун лишь подмигнула фарами: айда, старушка, не дрейфь, когда-то надо начинать самой, ты только жми на газ, а уж моя коробка-автомат, мой бортовой компьютер и вообще все мои немецкие навороты сделают все сами за тебя. Айда, залезай, и в путь!

По дороге (из Москвы в область в девять часов утра не так уж и много машин – особенно в понедельник) Катя ловила себя на том, что слишком часто смотрит в зеркало заднего вида – не на дорогу, а на себя за рулем! И вот так мы можем перестроиться, и сядь – и с этого ряда на этот, и назад, и обогнать...

Мимо проплыл настоящий большой «мерс». «Не завидуй, – сказала сама себе Катя, – это старая модель, а у меня самая последняя, и потом, мой компактный, экономичный, юркий, пригодный для использования в городских условиях и... И потом, он просто прелесть, чудо дизайна, и даже крыша у него откидывается, маленькая крыша – а у этого черного болвана – ни фиги, только стекла темные, как в сортире».

И Катя окрылилась окончательно и возгордилась ужасно. Все чаще и чаще бросала взгляды в зеркало заднего вида и практически мало следила за тем, что происходит вокруг нее на шоссе. Когда собственные серые глаза в зеркальце кажутся такими прекрасными, лукавыми, когда загар на скулах золотят солнечные лучи, заливающие салон, когда светлые волосы треплет летний ветер... ладно, хорош, долой это наглое самолюбование!

Катя водрузила на нос черные очки и... буквально через минуту свернула с магистрального шоссе в направлении второй кримлаборатории ЭКУ, прятаясь стыдливо в глубине больничного парка у морга.

План ее выглядел просто – пройти внутрь и найти эксперта Сивакова, который и вчера и сегодня работает здесь. И, конечно же, следователя Валерия Чалова, который с утра тоже должен заехать в кримлабораторию за результатами вскрытия.

Но на пороге лаборатории Катя еще из машины узрела вчерашних недругов – личностей в бронежилетах с надписью «ФСБ». Автоматы свои они, правда, попрятали, однако вид, с каким они охраняли подступы, Кате совсем не понравился. Но, как и вчера, отступить она не собиралась. Лихо крутанув руль, Катя подъехала на своем малыше к самым ступенькам – еще бы чуть-чуть, и подавила бы этих из заградительного отряда.

Что, испугались?

– Пресс-центр ГУВД Московской области, – Катя с удостоверением наперевес...

- Не положено пропускать, - тоном «робокопа» отвечивал бронезилет.

- Я работаю вместе со следователем Чаловым, и мне необходимо видеть старшего эксперта Сивакова.

- Старший эксперт Сиваков занят. Следователя нет на месте. А вас мы пропустить не можем, у меня приказ начальника.

Какой-то там начальник чего-то приказал... Катя снова начала было злиться, но... Если Чалова и правда тут нет, а Сиваков все еще не закончил работу, то сидеть в кримлаборатории у стеклянной двери, за которой вскрывают труп... Мало радости - точно.

Катя вернулась в машину. Закрылась в салоне и включила магнитолау. Музыка, музыка... Ох и рожи у бронезилетов... Интересно, а чего это так долго вскрытие идет? Должны были ночью закончить, утром уже докладывать, а все возятся. А может, Гаврилов все же не сам? Может, это убийство? Что он там бормотал в своем «последнем слове»... Он кого-то боялся. Боялся, что этот кто-то заберется ночью в квартиру? Но почему тогда он сам пооткрывал везде окна, лоджию? И так настойчиво снимал месяц небесный на камеру телефона? Что он там бормотал... И зачем за несколько дней до смерти он ездил на ту дачу у озера к некой Полине?

Ведь это о Полине Каротеевой речь идет, о ней упоминал его шофер Долдонов.

И эта дама - она немного старше Валентина Гаврилова. Рыхлая, с красными щеками, с полными плечами, что лупятся от дачного загара... Дачка вся чисто прибрана, на терраске уют, клеенка пестрая на столе, варенье домашнее, а в саду пропасть цветов, за которыми она преданно ухаживает все лето. Анфиса говорила, она что-то там преподает в институте... балуется графоманством на досуге и воображает, что могла бы быть актрисой...

Что общего у такого человека, как Гаврилов, с этой женщиной? Она его бывшая? Отчего-то трудно в это поверить. По крайней мере сейчас.

А что, если отправиться к ней - тут недалеко. Он ведь приезжал к ней, значит, была причина! Может, правда, шофер Долдонов ошибается... Но нет, водители у

чиновников такого ранга люди вышколенные. И маршруты назубок помнят. Предположить, будто там, в поселке у озера, есть другая дача на пригорке, хозяйка которой тоже Полина... Нет, это маловероятно. И потом, то, что Каротеева сочинила и продекламовала, и то, что так лихорадочно и бессвязно выплескивал на камеру телефона Гаврилов... Все же что он имел в виду? Надо бы эту запись еще раз прослушать – попросить следователя Чалова при первом же удобном случае. И, может, попросить Полину Каротееву поставить на магнитофон ту ее кассету...

Катя, очень сосредоточенная, повернула ключ в замке зажигания – еще не думая о том, как тут, во дворе у крыльца, удобнее развернуться, чтобы окончательно не задавить «людей в черном». Опасное поведение за рулем! Но машинка, казалось, сделала все сама.

И вовремя – со стороны шоссе на аллее парка показались три иномарки, следовавшие гуськом друг за другом. Обогнув мрачную пристройку городского морга, они остановились у кримлаборатории. Какое-то высокое начальство прибыло с утра пораньше узнать самолично о том, как продвигается расследование происшествия.

А Катя отправилась к озеру. Правда, по дороге сразу же заблудилась, свернула не туда, и шоссе вывело ее в какой-то совсем другой поселок – с коттеджами за высокими заборами, с узкими проулками, заросшими лопухами. Только проплутав по этому застроенному лабиринту и дважды спросив дорогу, Катя вновь выбралась на шоссе, доехала до нужного поворота, миновала синий указатель «Дачный кооператив «Сосновый бор» и увидела озеро.

А вот и пригорок, и прилепившийся к его склону участок, и маленькая голубая дачка, обшитая тесом, вся в цветах.

Катя закрыла машину и подошла к калитке. Сейчас она постучит, и что она скажет дачнице Каротеевой? «Доброе утро, а это вот снова я, мимо ехала... на меня такое сильное впечатление произвел ваш опус с декламацией...» Еще в шею тетка выгонит за такие комплименты. «Правда, правда, честное слово, мне так понравилось, как вы читали, а нельзя еще раз ту запись послушать... О чем это вы там рассказываете? Что это за история о четырех, и той женщине в колодце, и о жутком существе, что оттуда выбралось... А знаете...»

Катя постучала в калитку. Нет, такую чушь нести – себе дороже. Это просто детский лепет. А если хочешь, чтобы вопросы били в цель, то надо...

– Это кто там стучит? Сейчас открою, я на террасе. Анна Ивановна, вы за мной? Что, в магазин? Молоко привезли свежее, сейчас, сейчас, подождите, я с вами.

Из-за кустов, цветов и зарослей хозяйку дачи, восклицавшую все это оживленно и деловито, не различить.

– Полина, здравствуйте, это опять я.

– Кто, простите? – Полина Каротеева открыла калитку. – Ой, вы? Катенька? И Анфиса с вами? И сегодня купаться приехали?

Полина Каротеева, судя по сумке, откуда торчала пустая пластиковая бутылка из под кока-колы, которой на дачах по простоте нравов часто пользуются как удобной емкостью для разливного молока, точно собралась в магазин. Удивленно хлопая ресницами, она оглядела Катю, одетую не в шорты с майкой, как в прошлый раз, а в белый деловой костюм, и...

– Полина, я не купаться, я тут сегодня по делу. Я вам тогда не сказала, что работаю в ГУВД области, вот мое служебное удостоверение. Можно войти? Мне надо с вами поговорить.

– Пожалуйста, – Полина отступила, скользнув взглядом по удостоверению. – А в чем дело? Если это по поводу той кражи с участка Сутеевых, то я...

– Дело не в краже. Вы ведь знаете Валентина Гаврилова? Так вот он повесился вчера ночью.

Вот так. Так и надо работать со свидетелями – не рассусоливать вокруг да около, а сразу – в лоб и самое главное. Результат же окажется...

Полина Каротеева попятилась, судорожно сжимая в руке сумку с пустой бутылкой. И на лице ее что-то изменилось, треснуло и раскрошилось в самих чертах, как в глиняной античной актерской маске... и на щеках выступили алые пятна.

– Простите, но я не знаю никакого Гаврилова. Почему ко мне... почему это меня должно касаться? Я... я ничего не знаю, простите, мне надо идти.

– Одну минуту!

Это сказала не Катя. Это кто-то громко и внушительно произнес у нее за спиной. В проеме распахнутой калитки стоял следователь Валерий Чалов. Катя не слышала ни шума подъехавшей машины, ни шагов.

– Одну минуту. Подождите. Доброе утро, Екатерина Сергеевна. – Чалов прищурился.

– Доброе утро, я... мы с Полиной знакомы, и я решила...

– Я следователь Следственного комитета при прокуратуре Чалов Валерий Викентьевич, – Чалов потеснил их в глубь сада. – Какие георгины у вас потрясающие... Я сейчас, когда ваш адрес уточнял у дачного сторожа... он так и сказал мне – дача с цветами. Полина Георгиевна, я проверяю обстоятельства, связанные со смертью Валентина Гаврилова. И хочу задать вам несколько вопросов, давайте присядем вот тут, тут как раз удобно записать ваши ответы для протокола, – он теснил их все дальше – умело, настойчиво, к садовому столу и скамейке под сливой.

– Но я не знаю никакого Гаврилова.

– Вы знаете его... он к вам приезжал сюда, на дачу, всего дня три назад и... Зачем это отрицать? Что за ребячество, Полина Георгиевна?

Она – не поймешь, то ли устыдилась, то ли пораскинула мозгами, то ли решила не врать, по крайней мере в этом.

– Ну хорошо, он действительно приезжал. И мы были с ним раньше знакомы. В детстве... еще в юности, понимаете?

– Я понимаю, не будем торопиться, ладно? Все по порядку. Сначала рутинные вопросы протокола, я должен заполнить документ, – следователь Чалов невозмутимо положил на дачный столик папку, достал чистый бланк и начал

неторопливо записывать, задавая вопросы «год и место рождения», «место работы» и так далее.

Солнышко пригревало, и этот протокольный ритуал прямо убаюкивал, как колыбельная. Только вот – Катя это чувствовала – покоя и умиротворения ни у кого из них ни в одном глазу.

– Итак, вы знакомы с Валентином Гавриловым?

– Да, да, я знакома. Я же сказала, что когда-то давно, еще в детстве, дружили. Тут, вот тут, на озере, – мальчишки, девчонки... очень давно. Я жила здесь, на даче, с родителями все лето. А он... он местный, точнее, они жили в Москве, но отец его тут работал. И на лето он навещался. Мы встречались на озере, катались на велосипедах.

– Почему же вы стали сразу отрицать факт знакомства, когда моя коллега из ГУВД, – следователь Чалов произнес это бесстрастно, – спросила вас?

– Я не сразу поняла, о ком речь идет. Мало ли Гавриловых на свете.

«Лжет, – сказала сама себе Катя. – И даже не пытается это скрыть».

– А зачем он к вам приезжал?

– Понятия не имею. Сказал... у него тут дела, что он ехал мимо и случайно увидел меня... узнал.

– Он на своей машине с водителем ехал мимо по вашей дачной улице – куда?

– Я не знаю.

– И увидел вас через забор?

– Да, он так сказал.

– Но ваш забор весь зарос шиповником, жимолостью, сиренью... Это вот что у вас там – дикие розы... Подсолнухи там в углу...

– Я не знаю, он так сказал. Что вы хотите от меня услышать? Я тоже удивилась, очень удивилась, увидев его через столько лет.

– Через сколько лет?

– Через много лет. – Полина Каротеева скрестила руки на полной груди. – Он сказал, что ехал мимо, увидел меня, узнал. Мы обрадовались, поболтали минут пять, он похвалил мой сад, спросил, как я... А потом посмотрел на часы и объявил, что ему пора, он же занятой человек... государственный... на заседаниях вон то и дело.

– Это он вам про себя сказал?

– Я его видела несколько раз по телевизору – репортажи из Думы, что ли, или из дома правительства. Он большой человек сейчас.

– Был, – сказал следователь Чалов. – Вчера его нашли в квартире в петле.

На щеках Полины Каротеевой снова выступили алые пятна. Весь этот спектакль, весь этот допрос... вся эта фальшь... И только тут – истинная эмоция, глубоко скрытая.

«Никудышняя из нее актриса вышла бы, – решила про себя Катя, – не умеет она играть на публику. А вот декламировать собственные сочинения может...»

– Вы одна тут живете? – Чалов задал новый вопрос.

– Ага, одна.

– А ваша семья?

– Вы хотите знать, замужем ли я? Нет и никогда официально... И детей не завела. У меня отпуск в институте, и я обычно провожу его здесь. После смерти родителей я тут все привела в порядок, – Полина оглядела сад. – Соседи

хорошие, и погода сейчас... погода в самый раз... как раз...

– Если мы установим, что это самоубийство, вас никуда вызывать не будут, не волнуйтесь. Вот тут распишитесь... нет, сначала, пожалуйста, прочтите свои показания... да, а потом распишитесь, – следователь Чалов подвинул к ней листы. – Вот так, хорошо. Спасибо вам большое. И прошу... просим с коллегой извинить за причиненное беспокойство.

Полина Каротеева прочла и подписала протокол.

– Мне надо в магазин, а то все молоко и творог разберут.

– Пожалуйста, мы вас больше не задерживаем, всего хорошего.

Они покинули садик все вместе. Полина заспешила прочь, не оглядываясь.

Глава 13

ЛЕГКО ЛИ ОТДАВАТЬ МАТЬ ЗАМУЖ?

– По большому счету, то, чем вы тут занимались, коллега, это разглашение данных следствия, – заметил Валерий Чалов, когда свидетельница свернула за угол и пропала из вида. – Непростительно.

– Позвольте мне объяснить. Я с подругой сюда приезжала накануне, представляете? – Катя делала вид, что ей очень стыдно. – Моя подруга знает Каротееву, они приятельницы. И когда мы вечером сидели на террасе и пили чай, Каротеева вдруг взяла да поставила одну кассету, где она сама читала то, что сочинила.

– Сама сочинила и сама читала? Это чья машина, ваша? – Следователь Чалов подошел к маленькому авто, терпеливо ждущему в засаде.

– Моя, моя... Очень странное сочинение, и в чем-то оно, ну, не знаю... сходится, касается того, что наш покойник наговорил на камеру. Не конкретно, а... я не знаю, вам бы самому это послушать.

– Отвезите-ка меня, поработайте шофером за свою вредную инициативу. Я без машины, как видите. Сюда на частнике ехал, пока там Сиваков консультантов из института ждет, – Чалов поместился в салоне маленького «Мерседеса». – О, да тут просторно, я думал, и ноги некуда поставить.

– На меня то, что я в тот вечер услышала от Каротеевой, произвело сильное впечатление. А потом эта смерть Гаврилова, и оказалось, они знали друг друга. Я хотела посмотреть ее реакцию, когда она узнает, что он повесился. И хотела попросить у нее ту пленку.

– Отчего же не попросили? Отчего стояли с открытым ртом? Тут направо, на шоссе выезжаем и обратно в город.

– К лаборатории?

– Нет, не к лаборатории, я покажу, рулите, рулите. А вы что, очень впечатлительны? В нашей профессии впечатлительным делать нечего, коллега. Но вы энергичны и умны, и это уже большой плюс. Ладно, не кисните. – Чалов улыбнулся и снова стал похож на того персонажа из кино («Ты доигрался в своем народном театре, к тебе приходил следователь»). – У меня у самого этот допрос превратился в пустую формальность. Впрочем, тут теперь любые допросы – чистая проформа. Фактически дело уже закрыто.

– Это самоубийство, да? – спросила Катя.

– Угу, все данные в ходе вскрытия это подтвердили. Нужна только консультация специалиста из института инфекционных болезней.

– Инфекционных болезней?

– Да, теперь налево и по центральному проспекту до площади. – Чалов достал из кармана бумажку с адресом. – Остановите там, у похоронной конторы. Сейчас будет еще один в принципе не особо нужный допрос и... Да, может, в Москве

еще в клинике одна консультация потребуется, и все. А вот и площадь – вон к тому дому давайте.

Дом оказался милым и нарядным особняком – как раз напротив бетонной коробки здания городской администрации. На первом этаже вывеска: «Ритуальные услуги». Катя поняла, что именно сюда приезжал Гаврилов – об этом похоронном бюро говорил его водитель.

– Я с розыском местным сегодня утром встречался, так вот они говорят – вчера, в воскресенье, полгорода здесь на свадьбе гуляло, в том числе и местное начальство, они тут дружно живут в этом Ясногорске, почти что общиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/tot-kto-pridet-za-toboy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)